

Александр
ПРОЗОРОВ

Новый цикл от создателя «Ведуна»!
**А
Р
Ц
Е
Ц**

**Властелин
булата**

Александр Дмитриевич Прозоров
Властелин булата
Серия «Ариец», книга 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23118889
Александр Прозоров. Властелин булата: «Э»; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-94722-5*

Аннотация

Матвей, как и положено студенту Технологического института, был материалистом до мозга костей. Его убеждения не поколебало даже попадание в далекое прошлое, в IX век до нашей эры, и дружба с прародителем славян, великим богом Сварогом, в кузне у которого он стал надежным помощником. Однако вскоре выяснилось, что для достижения заметных результатов в производстве железа одних только знаний слишком мало. И только когда Матвей признал свой божественный дар, ему удалось перевернуть весь древний мир...

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Технаръ	17
Студент	17
Наследник Сварога	36
Бог материи	97
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Александр Прозоров

Властелин булата

© Прозоров А. Д., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

В полном согласии со своим названием, река Вязьма вязала сложные петли, изгибы и повороты, хитро извиваясь через густые заснеженные леса. Наверное, прямой путь на восток получился бы короче раз в пять – вот только пути этого прямого просто не существовало. Если на ледяном русле снега лежало по колено – то там, в чащобах, сугробы поднимались выше человеческого роста, укрывая под собой груды валежника и гнилые стволы давным-давно упавших деревьев, ямы от вывороченных еще весной сосен и пни от сломанной бурей черемухи; переплетение ивовых, боярышниковых и бузиновых ветвей, замерзшие, но все равно крепкие стебли чертополоха, иван-чая и крапивы. Туда только сунься – хорошо если просто застрянешь, а то ведь недолго и ноги переломать, никакие лыжи и снегоступы не помогут. И потому бредущие на восток воины терпеливо петляли вслед за Вязьмой, покорно повторяя все ее прихоти и не пытаясь срезать дорогу даже через лысые узкие мыски.

То, что по реке двигалась армия, легко угадывалось по снаряжению путников. Щиты за спинами, тяжелые палицы с каменными наконечниками на поясах, рядом с легкими гранитными или сланцевыми топориками. На берестяных сачах, что тянул за собой каждый второй юноша – три-четыре запасных копия с острыми обсидиановыми и кремниевыми

наконечниками, лук, охапки стрел.

Зачем обычному человеку в дороге щит и палица? Зачем легкий топорик? От зверя отбиться – одного копья вполне хватит, деревья рубить – топор нужен тяжелый, на короткой рукояти. Да и от лука путнику польза небольшая. Зверь ведь сам на дорогу не выскочит. А ходу в лес зимой – считай, что вовсе нет. И зачем его тогда таскать?

Другое дело – война.

В быстрой схватке легкий топорик куда полезней тяжелого. Кость поломать – сильного удара не надобно. Копейные наконечники в схватках крошатся быстро – посему всегда полезно запасное оружие иметь. А без щита, лука да удобной хваткой палицы – в первой же битве голову сложишь.

Сверх того внимательный взгляд мог определить, что походной колонной двигаются скифы. Обилие войлочных доспехов и валяная обувь, замшевые плащи, заячьи рукавицы и волчьи шапки сразу выдавали закоренелых степняков. Ведь славяне и лесовики предпочитали одежды из носких и теплых мехов – рыси, бобра, соболя. На худой конец – горностая или белки. Но в степи, известное дело, с охотой трудно. Вот и выкручиваются кочевники как могут, благо овечьей шерсти и конских шкур у них в достатке.

Оставалось понять – что делают четыре сотни юных скифов возле самых истоков могучей славянской Волги, называемой ниже по течению Итилем, и как сумели они забраться столь далеко в гущу непролазных северных лесов?

– Вроде бы дымом пахнуло? – неожиданно закрутил головой один из скифов, над верхней губой которого только-только начал пробиваться темный пушок.

Другие путники тоже насторожились, повели носами.

– И правда, вроде костром веет... – согласился еще один, следом кивнул третий.

– А я ничего не чую, – мотнул головой четвертый, оглядываясь на кареглазого воина с усыпанным веснушками лицом.

От всех прочих сей юноша отличался лишь дорогим поясом с янтарными накладками, чуть более широкими, сплетенными из ивы снегоступами и самыми тяжелыми санями, на которых полулежала девушка, закутанная в богато вышитую кошму, в волчьем треухе и с заячьим шарфом, оставляющим на виду только синие глаза.

– У кого щиты на волокушах, возьмите в руки, – распорядился веснушчатый воин. – Луки тоже разберите и колчаны откройте, дабы в любой миг стрелу выдернуть. У кого груз на лямках – назад отступайте, кто налегке идет – вперед выдвигайтесь.

Колонна продолжила движение по пробитой рекой узкой просеке между высоченными, чуть не до неба, стенами из густых черных елей и сосен с припорошенными снегом макушками. Скифы перестраивались на ходу: лучники снимали с легких берестяных и плетеных саней свое оружие, перебрасывали ремни колчанов через плечо, проверяли натяжение тетивы. Те воины, что тянули волокуши, отступали в

сторону, пропускали более свежих товарищей вперед. Сами собой прервались походные разговоры, люди настороженно смотрели по сторонам и под ноги, опасаясь ловушек.

Излучина, другая – и впереди, за обледенелым мыском, внезапно открылась стоянка с кострами, шалашами и даже невысокой стеной, сложенной из скатанного снега. Степняки тоже нередко ставили такие возле юрт, защищая зимние кочевья от пронизывающих ветров.

Чужаков на берегу заметили сразу. Послышались тревожные крики, и обитатели лагеря, расхватывая оружие, выбежали на лед, перекрывая реку. меховые штаны, меховые сапоги, рысьи шапки, бобровые куртки, плащи из выдры и ро-сомахи, амулеты с крестами и молотками. Судя по всему – это были славяне.

Снег перед стоянкой воинов славного народа оказался хорошо утоптан, и три ряда мужчин выстроились от берега до берега в считанные мгновения: четыре десятка ратников с круглыми щитами и копьями с иноземными обсидиановыми наконечниками и десяток лучников.

Числом славяне уступали скифам многократно – однако среди них наверняка имелось несколько богов, каждый из которых превосходил быстротой и силой десятки смертных, а потому предсказать исход предстоящей битвы не взялась бы даже самая многоопытная провидица.

Негромко хлопая снегоступами по насту, степняки стали выстраиваться напротив врага. Славяне не мешали, позво-

лив подтянуться в общие ряды даже самым дальним «обозникам», бросившим свои волокуши.

Кареглазый воин вышел на пару шагов вперед, оправил пояс, проведя под ним большими пальцами обеих рук. Громко поздоровался:

– Рад видеть тебя, дядюшка Перун, повелитель гроз и бог справедливости! Что за нужда занесла тебя в сию глухомань накануне черных карачуновых ночей¹?

– Хорошего тебе дня, великий Орей, сын всемогущей Макоши! – отозвался из славянских рядов невысокий рыжебородый крепыш, на плечах которого лежал плащ из чернобурки, а грудь закрывала кираса из толстой кожи зубра. – Могу задать тебе тот же вопрос, племянничек! Как ты попал к нам на Вязьму, да еще и во главе скифской армии?

– То отнюдь не секрет, дядя! – развел руками юноша. – Я хочу увидеть свою матушку, что в темном безумии начала убивать верующих в нее смертных и насылать порчу на собственных детей.

– Так проходи, Орей! Но токмо один, без степняков. Подобных незваных гостей у себя в Вологде мы не ждем.

– Разве я не сказал, дядюшка Перун? – удивленно почесал в затылке скифский воевода. – Мама пыталась меня убить! И потому беседовать с ней, не имея под рукой пары сотен воинов, я больше не рискну.

---

¹ Карачун – праздник «темных» богов, сил зла и всякой нечисти – отмечался славянами в день зимнего солнцестояния.

– Прости, Орей, но я не могу пропустить тебя на наши реки вместе со скифами, – покачал головой рыжебородый воин.

– Прости, дядя, но я все равно дойду до Вологды, – пожал плечами юноша. – У меня нет к тебе вражды, великий Перун. Я желаю покарать только безумную богиню. Не мешай мне, и мы останемся друзьями. Я даже не прошу твоей помощи, дядюшка, я все сделаю сам. Просто отойди в сторону.

– Тебе следует слушаться старших, мой мальчик, а не угрожать им, – ответил бог грозы. – Ты переступил черту, убив великого Световида. Если кто и заслуживает наказания, то только ты.

– Мне жаль, что ты не понимаешь слов, великий Перун. Очень жаль... – Великий Орей оглянулся на свою армию и кивнул степнякам.

Скифы сбросили ивовые снегоступы, двинулись вперед, вскинув щиты и медленно переставляя глубоко проседающие в снег ноги. Посему первый удар степняков получился медленным, даже ленивым. Добравшись до врага, они стали тыкать в славян копьями, норовя уколоть защитников Макоши в просветы между щитами. Местные воины отвечали тем же, и битва началась сосредоточенным пыхтением, стуком каменных наконечников о дерево и редкими вскриками боли, когда кремниевое острие все-таки достигало своей цели.

Задние ряды скифов, вообще не достающих до врага, нажимали на спины товарищей, вынуждая тех двигаться впе-

ред, и очень скоро щиты передних рядов сомкнулись, лишив воинов возможности сражаться. Враги смотрели друг другу в самые глаза – и просто толкались, налегая плечами на деревянные диски, подняв копья, и сжатые товарищами так, что даже дышать удавалось с трудом. А поскольку степняков собралось куда больше, нежели славян, то они почти сразу победили в этой давке, двинулись вперед, отталкивая противника вверх по реке, заставляя пятиться все быстрее и быстрее. Идти спиной вперед неудобно – и отступающие стали спотыкаться, оглядываться, так что уже через три десятка шагов строй защитников реки разорвался сразу в нескольких местах.

Скифы с торжествующими воплями ринулись в разрывы, славяне стали отбегать и разворачиваться, сбиваясь в группы. На реке сразу сделалось просторно, воины получили свободу для размаха и принялись бить друг друга копьями с такой силой, что обсидиановые наконечники, если попадали не в тело, а в щит, разлетались на осколки, кремниевые же крошились, лишаясь острия. Однако сошедшиеся в смертной схватке мужчины просто отбрасывали ставшее бесполезным оружие, выдергивали из поясных петель палицы или топоры и кидались в яростный ближний бой.

И тут случилось невероятное! Вместо обычного оружия славяне обнажили тонкие длинные полоски светло-светло-коричневого цвета и принялись колоть ими и рубить, отбивать удары, безжалостно бить по щитам. Причем полоски,

несмотря на хрупкий вид, не мялись и не ломались даже при столкновении с гранитными топорами – лишь высекали из камня длинные белые искры.

– Поговорим, племянничек? – раскидав ближних врагов, двинулся к Орею бог грозы.

– Я не хочу тебя убивать, великий Перун! – шагнул ему навстречу сын Макоши и быстрым ударом топорика в центр украшенного желтыми молниями щита заставил треснуть среднюю доску.

– А ты и не сможешь! – взмахнул своей коричневой полоской рыжебородый воин и просто срезал, как тонкую веточку, весь верхний край щита воеводы. Прикрылся от выпада юного бога и вторым взмахом рассек деревянный диск Орея надвое. Юноша едва успел отдернуть руку, не то лишился бы и ее. – Как тебе такая игрушка, племяш?

Перун рубанул из-за головы – Орей успел подставить под полосу топор. Нефрит столкновение выдержал. Странная полоса в руках славянского бога – тоже, и громовержец быстро толкнул ее вперед, легко проколов воеводе степняков плечо над сердцем.

– А-а-а... – Орей отскочил, левой рукой подхватил со снега копье без наконечника и громко закричал, чуть повернув назад голову: – Лучники!!! Секи их!!!

Великий Перун, зарывав, опять рубанул из-за головы. Орей закрылся древком копья – полоса легко перерубила ра-
товище раз, потом еще один, потом еще, оставив воеводе

только маленькую бесполезную культяпку. Между тем разбить вражеский щит юный бог так и не смог, хотя несколько его точных ударов и размочалили стягивающие доски ремни.

Воеводу спасло наполнившее морозный воздух жужжание. Бог грозы, остановив напор, торопливо прикрылся щитом. Но не все сварожичи оказались столь быстры, и сразу со всех сторон послышались крики боли, ругань, предсмертные стоны.

Забрасывать стрелами плотный ратный строй – занятие бесполезное. Найти себе добычу за большими толстыми щитами каменным наконечникам не по силам. Но вот сейчас, когда строй развалился и славяне стояли к лучникам кто боком, кто без щита, кто и вовсе спиной – известные своей меткостью скифские лучники показали свое мастерство в полной мере, попадая прочными кремниевыми шипами не просто во врагов? а точно в переносицу, в шею, в открывшийся просвет кирасы.

Потеряв с десяток товарищей, славяне быстро отступили к берегу, где сомкнули строй, закрылись щитами и уверенно ринулись в новую атаку, выставив вперед свои заколдованные смертоносные полоски, с разбегу врезались в столь же плотный строй скифов, рубя и коля степняков.

Новое оружие потомков Сварога оказалось ужасающим. Оно не тупилось, не крошилось, не гнулось, не ломалось. Попадая по голове, – оно не оглушало человека, а рассекало кожаный шлем и вонзалось в череп; ударяя в тело, оно не

ломало кости через толстый слой войлока или кожи, а прокалывало доспехи, словно шип акации – опавший древесный лист. И это – в руках смертных. Боги же рубили вражеские щиты вместе с держащими их руками, одним взмахом сносили головы с плеч, пробивали длинным выпадом по два тела сразу. Скифы падали один за другим, на снег потекли настоящие ручьи крови – и армия степняков начала пятиться, пятиться, а потом просто побежала прочь от страшной неминуемой смерти.

Между тем им навстречу от обоза быстро ползла, извиваясь по снегу, хрупкая девочка в замшевом платье, с длинными соломенными волосами, выпавшими из-под потерянной шапки.

– Куда же ты, племянничек?! – весело поинтересовался великий Перун, переждавший за щитом короткий ливень стрел и теперь снова устремившийся к близкому врагу. – Я хочу доставить тебя к маме!

Рыжий бородач попытался уколоть Орея, но промахнулся, неудачно кольнул еще раз, потом рубанул из-за головы.

Сын великой Макоши, сосредоточенно прикусив губу, отбивался топором и палицей, подставляя под выпады их каменные наконечники. Он уже понял, что против коричневых полос дерево защитить не способно, и теперь остро жалел, что побрезговал тяжелым медным ножом, который пыталась подарить ему змееногая Табити. Орей отступал, уворачивался, отмахивался от оружия бога грозы, пользуясь каждой за-

минкой рыжего бородача, чтобы снова и снова бить топориком в его щит. Если удастся разломать защиту врага – появится возможность достать топориком до его головы или хотя бы ноги!

О том, что он остался один против нескольких богов и десятка смертных, Орей старался не думать. Впрочем, прочие славяне в схватку богов не вмешивались. И без того на войлочной кирасе скифского воеводы появлялись все новые и новые разрезy, быстро набухающие кровью.

– Да! – радостно выкрикнул Орей, наконец-то разбив Перунов щит.

– Н-нет! – хохотнул рыжебородый бог, отпуская рукоять своего диска и выхватывая из петли палицу. Скифский топор и славянская булава столкнулись, рассыпаясь в каменное крошево, и тут же воздух со свистом прорезала коричневая полоса. Орей откинулся, спасаясь от смертоносного лезвия, и распластался на снегу, раскинув руки. Великий Перун шагнул к нему, вскидывая оружие для завершающего удара: – Вот и все!

Именно так, с занесенными руками, он и окаменел, покрываясь паутинкой мелких трещинок. А следом окаменел еще один воин, другой, третий, четвертый...

– Лучники, девку убейте, она богиня! – наконец осознал происходящее великий Ситиврат и тут же обратился в гранитное изваяние с вытянутым указующим перстом. Остальные славяне торопливо прикрылись от смертоносного взгляда

да ползущей уродки щитами, и лишь стрелки вскинули оружие, дабы успеть поразить врага первыми. Зловеще загудели отпущенные тетивы.

– Не-ет!!! – Поднявшийся со снега Орей метнулся к Ящере и успел закрыть ее собой, приняв в свою спину все шесть славянских стрел.

От вида упавшего рядом окровавленного тела, покрытого порезами и истыканного тонкими оперенными древками, у девушки округлились глаза, и она, сжав кулаки, завывала, заорала в злобе и бессилии – яростно, оглушительно, во всю мощь наследницы великой Табиты, прародительницы скифов. От этого вопля с деревьев окрест облетела изморозь, рухнули снежные шапки, а кое-где и сучья; от этого вопля с сугробов поднялась мелкая пыль, похожая на туман, потрескался лед, пропуская сквозь себя темную речную воду, от этого вопля у людей пошла кровь из глаз и ушей, и они попадали с ног, сжимая головы ладонями, не способные больше ни убежать, ни нападать, ни даже думать или чувствовать.

Увы, но крик бешенства испугавшейся за своего любимого богини сразил одинаково как врагов великой Ящеры, так и ее воинов, и потому не принес победы ни одной из сошедшихся в смертельной битве армий...

Часть первая. Технарь

Студент

Троллейбус с легким посвистыванием катился по темному городу, время от времени перестукивая колесами по извилистым трещинам на асфальте, катился от одного ярко-желтого пятна под уличным фонарем к другому и даже не притормаживал возле редких пустых остановок. В гулком, облепленном рекламными стикерами салоне находилось всего полтора десятка пассажиров: пожилые дамы, мужчины рабочего облика на диванчике за водителем, сбившаяся у средней двери стайка мальчишек и девчонок в спортивных костюмах, увлеченно смотрящий в экран смартфона одинокий молодой человек в джинсовом костюме, женщина в платке и кофте на самом заднем сиденье, курчавая юная шатенка в короткой кожаной курточке и вельветовой юбке рядом с ней и совершенно пьяный, терпко пахнувший коньяком, розовощекий мужик в длинном черном пальто на задней площадке.

Мужчина широко качался, хватаясь то за один, то за другой поручень, то за спинки кресел, мерно икал и изредка причмокивал – что, однако, не мешало ему старательно соблазнять понравившуюся даму:

– Прекрасная леди! – вальяжно жестикулировал кавалер

одной рукой. – У меня до самолета есть еще два часа свободного вечера! Вы тоже явно не заняты ближайшее время! Так почему бы нам не провести эти часы вместе ко взаимному удовольствию? Поверьте мне, я умею доставлять женщинам блаженство! Вы еще сами будете обрывать мой телефон и звать к себе в гости!

Ответа мужчина не получил и, видимо, решив, что «молчанье – знак согласия», перешел к более активным действиям.

– Уберите руки! – громко потребовала женщина в кофте. – П... перестаньте!

– Да ладно тебе выпендриваться... – недовольно пробурчал кавалер, пытаясь просунуть руку между пуговицами кофты. – Получишь дозу кайфа, дурочка...

– Помогите!!! – уже открыто воззвала к салону женщина. – Есть тут мужчины?!

Однако ее, похоже, никто не расслышал. Троллейбус катился по ночной улице, пассажиры смотрели в окна или болтали, внимательно изучали планшеты и смартфоны, кто-то даже ухитрился очень вовремя задремать.

– Молчи, дура, хуже будет... – уже угрожающе предупредил настойчивый ухажер, и пуговицы кофты с тихим бульканьем стали расстегиваться одна за другой.

– Да помогите же кто-нибудь! – вскочила сидевшая рядом девушка, и опять ответом ей стала всеобщая глухота.

– Заткнись! – обрадовался кавалер. – Кому ты нужна, на

хрен, в драку из-за тебя ввязываться?

В этот момент троллейбус аккуратно притормозил возле остановки с одиноким, опирающимся на трость, толстяком. Пшикнули, открываясь, двери.

Паренек со смартфоном, удерживая свой маленький планшетик левой рукой и не отрывая взгляд от экрана, поднялся с кресла, сделал два шага к задней площадке, сгреб настойчивого ухажера за шиворот, приподнял, широким жестом метнул в открытую дверь и вернулся на свое место.

В салоне, еще минуту назад ничего не замечавшем, повисла мертвая тишина, которую разрывало только тяжелое злое урчание копошащегося в траве пьянчужки, улетевшего аж на газон за остановкой.

Водитель чуть выждал – видимо, оценивая состояние вышедшего пассажира, громко кашлянул и тронулся дальше по маршруту, закрывая двери уже на ходу. И почти сразу на сиденье рядом с молодым человеком плюхнулась девушка в кожаной курточке:

– Привет!

– Добрый вечер, – кивнул в ответ тот.

– Ты это, парень... – отерла пальцем нос девушка. – В общем, спасибо. Ловко ты его. Ты что, боевыми искусствами занимаешься?

– Угу, – кивнул молодой человек, все еще глядя в экран.

– А где?

– На старом «Радиотехническом заводе», где и работаю.

– И кем?

– Грузчиком. Средний мужчина весит примерно столько же, сколько мешок с солью.

– Значит, ты его «сгрузил»? – рассмеялась девушка.

– Типа того... – кивнул молодой человек и вдруг отчетливо спросил: – О'кей, Гугл, какой средний вес современного мужчины? – пролистнул пальцем экран и показал незнакомке: – Смотри, почти угадал. Семьдесят против семидесяти пяти.

– Хороший вес, – хмыкнула собеседница. – Во мне вдвое меньше.

Молодой человек вскинул брови, окинул ее внимательным взглядом.

– Ну, почти, – поправились она.

Парень согласно кивнул и снова уткнулся в экран.

– И что у нас читают грузчики в такое время суток? – заинтересовалась девушка, заглядывая сбоку.

– Схему автоматизации цементной печи со штыревым краном на семь с половиной тонн, – ответил тот.

– Это такой роман? – аж крякнула девушка.

– Это моя курсовая, – поправил парень.

– А-а, так ты еще и студент, – поняла собеседница. – Скажи, студент... Ты что, женат?

– Почему?! – Изумленный парень наконец-то оторвался от смартфона.

– Рядом с тобой уже несколько минут сидит молодая и

вроде бы достаточно симпатичная девушка, очень и очень тебе благодарная, а ты до сих пор не поинтересовался ее планами на вечер, не назвал своего имени, не спросил моего. На самом деле даже упертые женатики так себя не ведут! Или ты голубой?

– Нет, – покачал головой молодой человек. – Я не голубой, я бледно-розовый. Меня зовут Матвей, тебя Катариной, какие у тебя были планы на сегодняшний вечер?

– Сегодня? – Девушка перевела взгляд на окно. – Да, сегодня вечером уже почти ночь. Мы с мамой на даче подзастряли. Вот возвращаемся. Зато завтра вечером я совершенно свободна!

Откуда молодой человек знает ее имя, Катарина спрашивать не стала. И так понятно, что услышал, когда мама просила ее не вступать в разговор с пьянчужкой.

– Очень жаль, – кивнул Матвей.

– Почему?! – не поняла девушка.

– Очень жаль, что завтра вечером я работаю. Иначе обязательно пригласил бы тебя на свидание.

– Уже теплее, – обрадовалась Катарина. – И до сколько ты работаешь?

– С полуночи до шести утра, – опустил смартфон молодой человек. – Днем въезд большегрузов в центр запрещен, приходится разгружать ночью. Ну и плюс порядок после них навести. Так что где-то до восьми утра я работаю, а потом еду в институт.

– Значит, вечером ты все-таки свободен?

– Вечером я сплю, – покачал головой парень.

– А выходные у тебя есть?

– Ну да, в субботу и воскресенье.

– Ну так пригласи меня на свидание, зануда! – повысила голос Катарина.

– Поехали в пятницу на рыбалку? Я обычно с восьми утра уже свободен.

Девушка в задумчивости отерла ладонью подбородок, но решила уточнить:

– Это куда?

– Не знаю, – пожал плечами Матвей. – Меня ребята с яхт-клуба пригласили. Говорили, на острова.

– На яхте? – Глазки новой знакомой загорелись. – Она большая?

– О'кей, Гугл, покажи фото яхты «Бриз», – скомандовал молодой человек и повернул экран к девушке: – Вот.

– Круто! – признала Катарина. – Это твоих друзей?

– Знакомых, – закрыл фотографию паренек. – Я им два года назад корпус латал, потом эхолот настраивал, лебедки парусной автоматики наладил. Ну и так, по мелочи. Они меня часто покатаются приглашают.

– И ты возьмешь меня с собой? Они против не будут?

– Конечно нет, – пожал плечами паренек.

– Хорошо, когда и где? – не стала тянуть волынку девушка.

– В десять утра... – Матвей поднял смартфон повыше и громко произнес: – О'кей, Гугл, покажи карту, яхт-клуб «Северный». – Студент повернул экран к Катарине: – Вот, смотри. Удобнее всего встретиться у ворот.

* * *

Ворота яхт-клуба выглядели хуже, нежели у дворовой помойки: кривые листы железа, приваренные поверх каркаса из уголков и повешенные на покосившиеся столбы. Когда-то давным-давно они были покрашены синей масляной краской, о чем напоминали несколько больших клякс на обширном ржавом фоне. Территория за столбами выглядела не лучше, заваленная какими-то гнилыми железными конструкциями, перевернутыми ломаными лодками, бухтами ветхих канатов и обрывками цепей. Некое подобие порядка появлялось только возле берега, на котором имелся пологий бетонный спуск к воде, пара пляжиков, засыпанная асфальтовой крошкой парковка и пять крытых поликарбонатом ангаров, в ворота которых уходили ржавые, как все вокруг, утопленные в землю рельсы.

На фоне всего этого безобразия семь яхт, стоящих на якорях в сотне шагов от берега, казались сказочными лебедями из иного, неведомого мира. Мира, не имеющего вообще никакого отношения к здешней грязи и разгильдяйству. Однако едва Матвей и Катарина показались в воротах – от од-

ной из длинномачтовых красавиц отвалила надувная лодка, быстро доплыла к песчаному пляжику, и гостей встретил загорелый, коротко стриженный беловолосый парень, одетый в оранжевые шорты и зеленую футболку.

– Привет, дружище, давно не виделись! – крепко обнял он Матвея и перевел взгляд на девушку.

– Это Катарина, моя знакомая, – сказал молодой человек.

– Друзья Матвея – мои друзья! – широко улыбнулся парень. – Я Stanisław, хозяин сего фрегата. Кидайте рюкзаки на нос, забирайтесь на скамью! До полудня обещали попутный ветер, хочу из бухты без мотора уйти. Мелочь, понятно, на двадцать копеек экономии. Но все равно приятно.

Просевшая под утроенным весом лодка плыла обратно уже не так бодро, однако минут через пять гости и яхтсмен поднялись на борт семиметровой красавицы с низкой центральной рубкой и несколькими иллюминаторами по борту и просторной площадкой на корме, окруженной мягким диваном вокруг столика на единственной ножке. Еще одна площадка находилась чуть выше, и там поблескивал позолотой небольшой штурвал.

– Вот, осматривайтесь, располагайтесь, отдыхайте! – предложил Stanisław. – Предложил бы кофе с дороги, но кофеварка вчера чего-то загнула.

– А чего с ней такое? – опустив рюкзак на пол, поинтересовался Матвей.

– Вместо горячей воды просто теплую наливает. Но пар

при этом дает. Раз пар и тепло есть, значит, нагреватели работают, правильно?

– Можно посмотрю?

– Да не вопрос!

Молодые люди скрылись в рубке. Катарина, покрутившись возле трапа, прошла на корму, уселась на диван. Вскоре из темной дверцы выскочил поджарый бородач, тоже одетый в зелень с оранжевым, но русоволосый, пробежал на нос, чем-то звякнул, зашуршал. Послышалось мерное гудение, натянулись канаты, вверх вдоль мачты поползли белые полотнища, заполоскали на почти неощутимом ветру.

– Привет, подруга! – рядом на тяжело скрипнувшую сидущку плюхнулась голубоглазая блондинка, в зеленой майке и оранжевых шортах. Протянула гостье банку тоника, сама прихлебнула из другой. – Ну и где ты его подцепила?

– Кого?

– Да ладно, подруга! – рассмеялась блондинка. – Я с ним познакомилась возле работы, когда каблук сломала. Он меня в контору на руках отнес, туфельку подлатал. Я думала, на меня запал. Оказалось, на туфлю. Ну не может человек мимо хоть чего-то сломанного спокойно пройти! Ну, я прикинула и решила: надо брать!

Девушка прихлебнула тоника, мечтательно вспомнила:

– Пригласила домой, он взял и ножи наточил. Я все руки изрезала, отец все руки изрезал, мама руки изрезала, занавеску, платье и два передника. Чего ножом ни коснешься,

все чик, и пополам! Нож после помывки полотенцем вытер, чик, и у тебя уже два полотенца. Три ножа – четыре полотенца. Пальцем остроту лезвия проверил, порез до кости! – блондинка весело фыркнула носом: – В общем, мать сказала, чтобы ноги его больше в нашем доме не было! Вот... У Оксаны дома он сейф отремонтировал, болгаркой резать пришлось. Ключи ведь там в ячейке лежали, ибо ящик уже лет двадцать не запирался. Тоже просили больше не приводить. Ездил на дачу, он там все пылесосы из сарая починил. Теперь у нас на каждую комнату по полтора пылесоса повышенной мощности. Так что ты имей в виду: станешь Матвея в гости водить, притаскивай за два часа до назначенного времени. Чтобы он все шкафчики, плиты и мультиварки отремонтировать успел. Иначе за столом его не увидишь. Я его однажды в театр вытащила... Так пришлось по рукам бить, чтобы расшатанные кресла не ковырял.

– Значит, это твой парень? – с силой сдвинула банку Катярина.

– Да нет, боже упаси!!! – отмахнулась блондинка. – Он же зануда, не приведи господь! Ты думаешь, он тебя в театр или кино пригласит? Хрен там, ему даже на боевиках скучно! Ресторан или ночной клуб? Ему там тоска! Его мечта – это помойка с мусором, пассатижи и паяльник. И он все собранное по миру барахло в конфетки станет превращать. Всякие выставки, лекции, конкурсы изобретателей – это его. А цветы или шампанское девушке – подарить, этого его мозги уже

не тянут...

– Яхты... – вставила в ее монолог Катарина и с громким хлопком открыла банку.

– Подруга, угадай с трех раз, как проще всего подготовить яхту к дальнему переходу? – прищурилась блондинка и тут же подмигнула, расхохоталась: – По глазам вижу, что догадалась! Пригласи Матвея покататься! Он и леера натянет, и генераторотрегулирует, и навигаторотъюстирует, и автоматику наладит, и еще кучу глюков найдет, о которых ты и не догадывался. Найдет и уберет. А всех расходов, так это шашлык на берегу, пайка на воде и место для ночлега.

– Но это же гнусно!

– Это называется «настоящая мужская дружба»! – Блондинка приглашающе, словно для тоста, вскинула баночку. – И не надо корчить рожи, я ведь тебе искренне хорошие советы даю. И тебе полезно, и за Матвея беспокоюсь, в хорошие руки отдать хочу. Хотя он, паршивец, похоже, так и не понял, что я его бросила!

– Может, он просто не знает, что у вас что-то было? – съязвила Катарина.

– Очень может быть, с него станется, – неожиданно согласилась девица. – Так что, подруга, если хочешь хорошего мужа, бери Матвея и веди в ЗАГС. Он человек мягкий, спорить не станет. Все, что для парня в минус, мужику всегда в плюс. Не пьет, не курит, руки из нужного места растут, на баб не заглядывается, приключений себе на задницу не

ищет, беззлобный и работающий. Дом завсегда полная чаша будет, и никаких скандалов...

– Чего же сама не берешь? – огрызнулась гостя.

– Ты знаешь, иногда хочется. – Блондинка допила свой тоник, смяла банку. – Особенно когда со Стасом поцапаюсь. Да и вообще... Почему бы нет? – Она встала, приподняла один из диванов, кинула банку под него и громко крикнула в дверь рубки: – Матвей, у тебя паспорт с собой?!

– Не-ет!!!

– Ну вот, опять облом! – Девица, повернувшись к Катарине, развела руками. – Может, в следующий раз. Ладно, пойду кофе выпью. Наверняка уже работает. – Блондинка шагнула было в дверь, но вдруг остановилась, повернулась и перегнулась через стол. Шепотом посоветовала: – Захочешь секса, отведи Матвея в укромный уголок, уложи на мягкую постель и быстро разденься. Сам он даже поцеловаться хрен догадается. Удачи, подруга!

Блондинка подмигнула и юркнула в темноту низкой рубки.

Вскоре оттуда повеяло ароматом свежесваренного кофе.

Яхта, несмотря на заметно провисшие паруса, довольно быстро двигалась из бухты, слегка наклонившись набок и покачиваясь на пологих волнах. При этом у штурвала, как ни странно, никто не стоял. Однако Катарина не так хорошо разбиралась в тонкостях парусного мастерства, чтобы пытаться разгадать эту загадку.

По реке судно пробиралось довольно долго, часов пять. А на бескрайних озерных просторах его подхватил ветер – паруса выгнулись и помчали яхту вперед с автомобильной скоростью. Матвей несколько раз выбирался наверх, что-то проверял на бронзовых катушках, вытягивающих или опускающих идущие к мачте канаты, потом не меньше часа возился на корме возле висящего там двигателя – хотя в сам мотор не заглядывал. При этом Катарину он практически не замечал. Что девушку после разговора с блондинкой особо не удивило.

Вскоре после обеда яхта ожила – зажужжала, загудела, натягивая канаты. Опустила паруса, повернула толстый лакированный гак, неторопливо приближаясь к россыпи небольших скалистых островков, поросших соснами и можжевельником. Наверх выбрался бородач, встал к штурвалу. На корме пару раз чихнул и загудел мотор, толкая белоснежное судно в пролив между островами.

– Ну вот и добрались! Сейчас привалим, и будут шашлыки с музыкой! – появился Станислав и пробрался на нос.

Яхта, обогнув засиженные чайками скалы, забралась в закрытую от ветра со всех сторон бухточку. Голубоглазый блондин ловко перепрыгнул на берег, отбежал, закрепил взятый с собою конец на толстом сосновом стволе, принял второй, тоже закрепил. Бородач выбросил за борт обитые резиной колобахи. Что-то загудело – и яхта прижалась бортом к почти отвесной каменной стене.

– Приехали! – сообщил бородатый яхтсмен.

Команда выгрузила несколько мешков вещей, поставила складной столик, пару зонтиков. Парни вынесли складной мангал, развернули двухсекционную палатку. Матвей сунулся было помогать, но Катарина сцапала его за руку и отвела в сторону.

– Не мешай людям! – потребовала она. – Покажи лучше остров. Ты ведь здесь не в первый раз?

– Остров как остров, – с тоской посмотрел на неприкаянный мангал молодой человек. – Людей нет, грибов нет, ягод нет. Населена чайками.

– Населен, – поправила девушка.

– Ага, – не стал спорить Матвей.

– Ну так пошли, погуляем. У нас свидание или нет?

– Пошли, – согласился паренек, и вправду оказавшийся достаточно послушным.

Прыгая с камня на камень, они двинулись прочь от бухты, через сотню метров попав на низкий плоский камень, лежащий возле самой воды – остров закончился.

– Сюда никто не ходит, – сказал молодой человек. – В смысле, по уговору, если кто-то с яхты сюда ушел, за ним не ходят. Тут километров на десять вокруг больше никого нет. Можно купаться голышом. Никто не увидит. Зато потом плавки сухие.

– Какая интересная мысль, – встала на самом краю камня девушка. – Это, конечно, слишком быстро получится. Но

когда еще подвернется под руку белоснежная яхта и необитаемый остров?

Она быстро разделась и нырнула с края валуна в прозрачную, как слеза младенца, воду.

– Я могу уйти, – запоздало предложил Матвей.

– А какой тогда интерес? – рассмеялась с глубины Катарина. – Ныряй сюда!

Студент-грузчик колебался недолго. Скинул все тряпки, разбежался, прыгнул, вонзившись в воду метрах в пяти от берега, нырнул к самому дну, проплыл под девушкой, поднысавшись к поверхности с другой стороны, фыркнул, мотнув мокрой головой:

– А ты красивая! – сказал он.

– Так вот зачем ты меня сюда заманил? – брызнула на него водой Катарина. – Чтобы голышом во всех подробностях рассмотреть!

– Я? – удивился Матвей.

– А кто же еще? Или я сама сюда телепортировалась?

– Но я не думал...

– Так я тебе и поверила! Ты хитрый, ты ушлый, ты коварный! Ты меня обманул, привез на необитаемый остров и совершил! Жулик!

Она нырнула, вынырнула, проплыла обратно к камню и вытянулась на нем во весь рост.

– Полотенец тоже нет, – сообщила она. – Придется сохнуть так. Не одеваться же на мокрое тело?

– Сегодня тепло, высохнем быстро, – пообещал молодой человек.

– А я мерзну, – капризно ответила Катарина. – Потрогай, я вся дрожу!

– Возьми мою рубашку.

– Лучше обними. В тебе должно быть тридцать шесть градусов, если медицина нам не врет.

Матвей опустился рядом с Катариной, приблизился, и девушка, следуя советам безымянной блондинки, сама поцеловала его в холодные мокрые губы...

* * *

Когда молодые люди вернулись к бухте, над палаткой уже раскрылся тент, мангал дымил, нанизанные на шампуры шашлыки шкворчали.

– Вы выделите нам матрас и одеяло? – спросила Катарина. – Ночи сейчас теплые, дождем не пахнет. Когда еще появится шанс поспать под открытым небом?

– Вы чего, пляж занять хотите? – вскинулась стоящая рядом с бородачом коротко стриженная девушка.

– Да пусть занимают, Иришка, найдем где искупаться, – неожиданно вступилась блондинка. – Остров большой. При яхте тоже кому-то оставаться нужно, – и повернулась к гостям: – Берите любой спальный комплект в палатке. Белье там тоже есть. Но сперва: по салатику и по рюмашке за встре-

чу! И по шашлычку! Лучше Стаса его никто в мире готовить не умеет! Верно, Матвей?

– У меня слишком маленькая статистическая выборка, – настолько серьезно ответил студент, что вызвал всеобщий взрыв хохота.

После угощения яхтсмены разошлись со спиннингами в разные стороны, а Катарина и Матвей отправились оборудовать спальное место. Куда и удалились в вечерних сумерках, после ужина из салата с ветчиной – ибо ни одной рыбешки никто так и не поймал.

Утренняя зорька оказалась более благосклонна к рыбакам, одарив четырьмя щуками и одним крупным судаком – какового сразу завернули в фольгу и отправили в мангал запекаться на углях. Пока рыбка доходила, путешественники всей компанией отправились купаться, а когда вернулись к столу, блондинка села рядом с Катариной, обняла девушку за плечо:

– Ну скажи, что хорош, подруга? И не урод, и в постели крепок, и к работе приучен. Надо брать! Решайся, подруга. Ну, пропустишь ты период ухаживания, тупого глухариного токования. Так и хрен с ним, невелика радость! Зато мужа классного на всю жизнь получишь. Все подружки от зависти изведутся!

– Тебе-то что, подруга? – не поняла Катарина.

– А я, может быть, до сих пор в колебаниях, которого брать? – шепнула ей на ухо девушка. – Коли ты одного себе

конфискуешь, то и все сомнения долой. Тебе какой больше нравится?

Катарина заколебалась. Между журнальным красавчиком с яхтой и непьющим-негуляющим работягой была пропасть. С одним жизнь предвкушалась яркой и красивой, словно у бабочки-однодневки. С другим – спокойной и надежной, как в погребке старого замка.

– Ага, ты тоже задумалась! – Блондинка задорно толкнула ее плечом в плечо.

– У меня выбор поуже, чем у тебя, получается. – Катарина уже не ощущала к яхтсменке прежнего отчуждения и говорила тем же тоном, что и она. – Один из одного. Ты предлагаешь так сразу, после первого знакомства и на всю жизнь?

– Смотри! – погрозила пальцем блондинка. – Пока думаешь, кто-нибудь возьмет да и уведет. Поверь моему опыту, достаточно любой ловкой шалаве сломать каблук в нужном месте, и все! Ку-ку. Нету мужика.

– Положим, хотя бы с острова он от меня точно никуда не денется, – усмехнулась Катарина, глядя в спину удаляющемуся студенту.

Матвей тем временем свернул в заросли можжевельника, пару минут постоял там, потом вышел к берегу, присел на камушке и сполоснул руки в озере. Услышал призывный клекот и поднял голову.

– Никак, ястреб? – удивился он. – Откуда здесь?

Могучая коричневая птица спикировала вниз, резко раз-

вернула крылья, мягко опустившись на скалу в десятке шагов перед молодым человеком, чуть склонила голову набок. Матвей посмотрел в округлые черные глаза могучей птицы и вдруг ощутил внезапную слабость во всем теле одновременно со стремительным головокружением...

Наследник Сварога

Воздух до краев наполняли ароматы смолы и свежепиленного дерева, с примесью сенного благоухания и горьковато-дымного оттенка. Сей запах навевал на Матвея ощущение детства, дома, безмятежности. Где-то в глубине души теплилась надежда, что все события последних лет – школа, экзамены, институт – ему просто приснились, и когда он откроет глаза, то рядом снова будет мама, на столе – банка с парным молоком, а из всех хлопот – только покос травы для кроликов, копание червей для рыбалки да таскание покрывала на сеновал, с которого так удобно уходить в ночь, чтобы полакомиться созревшей вишней из фермерского сада. И потому Матвею совершенно не хотелось просыпаться, открывать глаза, возвращаться обратно в мир суеты и работы, сессий и зачетов, лабораторных и посиделок с томными до слащавости девицами.

Однако над ухом уже давно и громко галдели какие-то люди, ходили прямо по его постели, чуть ли не наступая ему на плечо. И потому студент-технолог, вздохнув, открыл глаза.

И тут же понял, что сон продолжается.

Матвей лежал среди охапок сена у бревенчатой стены внутри небольшого сруба, глядя в низкий жердяной потолок. Причем в этом свежем, с еще белой древесиной, порубе имелось несколько маленьких окон, однако – ни единой двери.

А еще здесь суетились несколько таких же молодых, как он сам, людей.

– Вот хрень собачья! – ругнулся коротко стриженный бугай самого бандитского вида. – Эта ведьма забросила меня в неолит!

– Какая ведьма?! Куда забросила?! – кинулась к нему одна из девиц. – Ты что-то знаешь?!

– Кажется, это устроила Тошка, – покачал головой бугай и повел плечами. Росту в нем было под два метра, а размах плеч, наверное, с добрый метр. – Вот уж не ожидал!

Пока они что-то выясняли, Матвей поднялся, выглянул в окно. Удивленно почесал в затылке, увидев хоздвор в окружении бревенчатых срубов, жердяные навесы и камышовые снопы. Станным было то, что нигде не валялось ни плугов, ни колесных граблей, ни косилок, а все постройки не имели ни единой пиленной детали – ни досок, ни реек, ни балок. Хуже того – на крышах он не заметил ни рубероида, ни шифера, ни поликарбоната, и нигде ничего не было прикрыто полиэтиленом.

Хоздвор без пленки! Ничего ею не обито, не укрыто, нигде не валяются ее обрывки и полоски. Такое в наше время возможно только во сне... Даже перебирающие камыш бабы в кожаных буденовках и замшевых балахонах удивили Матвея меньше.

А через минуту во двор вошел крупный лось, по бокам которого свисали охапки хвороста.

– Охренеть! – сглотнул студент-технолог, сунул руку в карман и нащупал телефон. Громко спросил: – О'кей, Гугл! Покажи карту! О'кей, Гугл! Где я нахожусь? Черт, сигнала нет...

– Какой сигнал, дурень?! – фыркнул бугай. – В окно выгляни. Каменный век на дворе.

– Может, это какая-нибудь экодережня? – не дождавшись ответа, убрал смартфон Матвей. – Люди живут по законам предков, пользуются старыми технологиями. Сейчас это модно. Наверное, это программа «Розыгрыш». Нас усыпили, перебросили в деревню и теперь снимают скрытыми камерами.

– Хотелось бы верить, – вздохнул бугай.

– Мальчики... – тихий девичий голос прервал их разговор. Коротко стриженная пленница сруба, одетая в красный топик и джинсы, с татуировкой на левой руке, указала большим пальцем в сторону парня в штанах из плащевки и в клетчатой рубашке. Тот, не обращая ни на кого внимания, деловито исследовал бревна стен.

– Эй, братан! – окликнул его бугай. – Ты ничего не хочешь нам рассказать?

– Разве только очень кратко, – оторвался клетчатый от своей работы. – Вы в Москве, это девятый век до нашей эры, вас вызвали из будущего славянские боги, вы прямые потомки великого Сварога и носите наиболее полный его генотип из всех прочих представителей гаплогруппы «I».

– Москве же всего восемьсот лет! – не выдержала девушка в платье.

– Что, правда? – широко улыбнулся клетчатый. – А термин «дьяковская культура» вам о чем-нибудь говорит?

– Ну-у... Это очень древняя страна городов на территории России.

– Он намекает на то, что даже само свое название эта культура получила от крепости, с девятого века до нашей эры стоящей возле станции метро «Лефортово», – проявил неожиданную для уголовника образованность бандит. – Формально говоря, Москва выросла из пяти довольно крупных городов дьяковской культуры, лет триста назад слившихся воедино. И если мы находимся в любом из них, то да: технически мы пребываем в столице нашей Родины.

Матвей снова выглянул в окно. Хоздвор, в котором работали люди в непривычных кожаных и меховых одеждах, не имеющий ни одного пиленного бруска, ни клочка пленки и никаких железных инструментов, если и не подтверждал слова «клетчатого», то как минимум им не противоречил.

Студента отвлек от размышлений отчаянный визг за спиной. Девушка в топике торопливо себя ошипывала, громко ругаясь:

– Ты debil, Степа?! Я чуть не описалась!

– Извини, но я должен был доказать вам, что колдовство существует.

– Я это и так знаю, даун! – Девушка оттянула ворот, за-

глянула себе под маечку. – Я ведьма, я умею видеть мертвых, высасывать души живых, вызывать призраков, развеивать демонов и еще целую кучу всякой подобной фигни.

– А я умею лечить, снимать порчу, снимать обет безбрачия, избавлять от бесплодия, – неожиданно вступила в разговор вторая девушка, длинноволосая и в простеньком длинном платье.

– А ты? – повернулся к Матвею клетчатый Степа.

– Я студент-технолог из «Машиностроительного», – ответил молодой человек.

Он еще не понял до конца, находится во сне или стал жертвой розыгрыша, но решил покамест принять правила игры и посмотреть, что будет дальше?

– А я вообще мальчик-курьер, – плотоядно ухмыльнулся бугай.

– Неважно. Если вы носите гены богов, то не могли этого не заметить, – покачал головой Степан. – Вы наверняка никогда не болели, всегда были быстрее, сильнее, выносливее своих товарищей, вам везло, вы предчувствовали неприятности, а ваши травмы заживали с такой скоростью, словно вы вампиры из голливудской саги. Правильно?

Матвей хмыкнул. В этот раз парень попал в самую точку.

– А теперь теория, – вскинул палец Степан. – Генóm всемогущего Сварога эффективен только и исключительно в комплекте. Однако ген, позволяющий накапливать энергию, рецессивный. Ген, позволяющий ею управлять, уже другой,

и тоже рецессивный. Подавлять чужую волю позволяет рецессивный, преобразовывать структуру материи тоже рецессивный...

– Это что, научное обоснование колдовства? – попытался пошутить Матвей.

– Когда-то очень давно естественный отбор успешно вычищал голокожих зверьков без клыков и когтей, если те не имели магической силы, – невозмутимо продолжил Степан. – Если двуногие не были быстрее волков, сильнее тигров, если не умели наводить морок на медведей и насыщать бурю на саранчу, они быстро умирали. И хромосомный набор пребывал в целости. Однако потом наши предки начали строить крепкие дома и обжигать копья, создавать некие цивилизации, придумывать инструменты, и в человеческих семьях стали выживать не только самые сильные из потомков, но и самые слабые. Доминантные гены начали стремительно расползаться по планете, и число людей с магическими способностями упало ниже плинтуса. Случайным образом боги рождаются в одном случае на миллиард. Полубоги чуть чаще. Ребенок на десять миллионов. Вы все невероятные счастливики.

Степан развел руками и сделал два больших шага назад.

– Ребята, я вас поздравляю. Вы попали в эпоху, в которой смертными все еще правят первородные боги. Что до меня... – Он задорно подмигнул. – То я нашел заколдованный выход. Удачи!

Клетчатый отступил еще на шаг – и исчез.

– Что за хрень?! – кинулся вперед бугай, уперся ладонями в бревна, ударил по ним кулаком. – Вот гаденыш! Сбежал!

Бугай повернулся к девушкам:

– Вы же вроде как ведьмы, милашки? Ну так давайте, доставайте свою магию! Открывайте дорогу!

Стена дрогнула, словно растворяясь в горячем мареве, и пленники увидели перед собой связанную из сосновых жердей дверь. Створка распахнулась, в поруб заглянул тощий паренек, рыжий, большеглазый и лопоухий.

– Рад приветствовать всех вас у нас в гостях, дети... – напряженный в замшу и золото мальчишка окинул молодых людей полным любопытства взглядом. – Надеюсь, добрались вы сюда в целости и полном здравии? Я есмь Троян, бог странствия и времени. Это я проложил к вам проход чрез века и версты. Вижу, сокол Волоса выбрал сварожичей молодых и сильных. Значит, все получилось в точности, как было замыслено.

– Если мы в далеком прошлом, Троян, то почему так хорошо понимаем твою речь? – поинтересовалась девушка в платье.

– Вы же боги! – недоуменно пожал плечами паренек и посторонился: – Следуйте за мной, сварожичи. Великая Макошь, богиня силы и богатства, храбрый Перун, бог грозы и справедливости, и Квасур-медовик желают узреть желанных потомков!

Выбравшись из сруба, четверо молодых людей прошлись по узкому помосту вдоль стены, спустились по приставной лестнице на засыпанный мусором двор и оказались перед короткой крытой лесенкой, ведущей к двери на высоте полутора метров. На приступке у двери, созерцая гостей сверху вниз, стояли двое туземцев: крупная фигуристая женщина в замшевом платье, украшенном золотом и жемчугами, с соболиным воротом и в некоем подобии короны, венчающем волосы; и широкоплечий рыжебородый коротышка ростом Матвею от силы до подбородка.

– Наши гости присоветуют тебя, великая Макошь! – почтительно поклонился Троян.

– Их же должно быть пятеро, Троян? – мелодичным голосом удивилась женщина.

– Возможно, сокол больше никого не нашел? – запустил пальцы себе в кудри моложавый бог. – В каждом поколении детей становится все меньше. До эпохи наших гостей прошло тридцать веков.

– Это так? – окинула взглядом гостей богиня.

– Пятый сбежал, – сообщил Матвей, решив ускорить события. Если по сюжету розыгрыша местные должны узнать о существовании пятого пришельца, то пусть сделают это сразу.

– Смог одолеть мои заклинания? – делано изумилась женщина. – Хороший признак. Есть надежда, что в наших потомках сохранилась сила.

– Зачем ты притащила нас сюда, ведьма?! – вдруг выкрикнула девушка в топике. – Что за дурацкие шутки?

– Назови свое имя, несчастная! – нахмурившись, потребовала хозяйка.

– Меня зовут Валентиной! – выступила вперед юная колдунья. – И поменьше гонора, Макошь. Или я подниму против тебя всех мертвецов твоего дома!

– Вряд ли Мара позволит тебе такую наглость, несчастная, – скривилась женщина. – Однако, пожалуй, раз ты так любишь смерть, тебя стоит отдать ей на воспитание.

– Не сердись, великая богиня, – вмешалась вторая девушка. – Мы напуганы и не знаем, куда попали. Зачем, почему... Сделай милость, просвети, чего ты от нас желаешь? И позволь представиться: меня зовут Светлана.

– Какое благонравие. – Макошь успокоилась так же быстро, как разозлилась. – Твой дар прекрасен, дитя света. О своей судьбе можешь не беспокоиться. В моем доме ты станешь желанной гостьей. И ты права, не стану томить вас неизвестностью. В наших землях завелся враг, справиться с которым нам не удастся. Мы надеемся одолеть его с вашей помощью.

– Дайте мне меч и покажите этого несчастного! – встрепенулся бугай.

– Он оборотень, дитя, – хозяйка перевела взгляд на бандита.

– Тогда с вас меч и пиво, – пожал плечами тот.

– Он создал целую армию оборотней!

– Меч, пиво, жратва и комнату, где можно отоспаться, – ничуть не смутился парень.

– Мне нравится этот молодец, сестра! – расхохотался рыжебородый коротышка, сбежал по ступеням, встал перед гостем. – Отдай его мне! Двери моего дома открыты для тебя, незнакомец. Что скажешь?

– Друзья прозвали меня Одином, друг мой, – ответил реконструктор. – В детстве наречен Викентием, но о такое имечко все знакомые токмо язык ломают.

– А когда мы справимся с оборотнями, вы вернете нас домой? – вмешался в представление Матвей, пытаясь определить правила игры.

– Вы же боги, вы бессмертны, – ответила женщина. – Вам достаточно подождать сто поколений.

– Вот это попали! – присвистнула Валентина.

– Я полагаю, брат, не стоит так сразу разлучать наших гостей, – повернулась к рыжебородому коротышке богиня Макошь. – Наш мир им незнаком, и им нужна взаимная поддержка. Прости, великий Перун, но я приму их у себя. Приму со всем уважением. Каждый получит комнату, постель, место за столом, одежду и красивую, ласковую, заботливую жену.

Матвей задумчиво почесал в затылке. Он понял, что угодил в некое подобие передачи «Дом-2», и дело грозит закончиться банальной порнухой, снимаемой скрытыми камерами. Подобная слава ему никак не улыбалась.

Тем временем Макошь резко повернулась и торжественно возгласила:

– Заклятие премудрого Трояна принесло нам удачу! Мы обрели сильных помощников, наследников корня сварожьего и его силы! Посему приглашаю вас в свои хоромы в Вологеде, дети. Следуйте за мной!

Богиня шагнула в сруб. Гости поднялись по лестнице и прошли вслед за нею.

За дверью оказалась достаточно просторная комната, пол которой застилала изрядно затоптанная кошма, ею же были обиты стены. Возвышение с коврами и звериными шкурами, видимо, служило постелью. В одном углу теснилось несколько копий, лежали щиты, груда каменных и железных топориков, в другом возвышался сундук. Обстановку завершало овальное черное зеркало возле ложа.

– Один не умеет ходить сам, сестра, – сообщил Перун. – Придется помочь.

Он взял Викентия под локоть и сделал решительный шаг в темноту овала, удерживая гостя рядом. Бугай не сопротивлялся, и мужчины легко исчезли в твердом – шестерка по шкале Мооса – обсидиане.

– Квадратуру мне в тангенс... – невольно выдохнул Матвей, ощущая, как закипает его мозг. Прямо на его глазах два человека вошли в вулканическое стекло! Тут и свихнуться простительно... Студент подошел к овалу ближе, коснулся полированной поверхности пальцами: – Это что, портал?

Плоскость сингулярности? На ощупь просто камень... Холодный... Интересно, какой тут источник питания?

– Это просто обсидиан, мой мальчик, – ответила ему богиня. – Кстати, ты единственный, кто так и не назвал своего имени.

– Матвей, великая Макошь, – обернулся к ней молодой человек.

– Я запомню, – кивнула женщина и толкнула его в грудь.

Студент взмахнул руками, теряя равновесие, опрокинулся на спину, на миг ощутив сильную тошноту и головокружение и... и оказался на полу тесной и темной комнатки из толстых бревен. Причем – совершенно другой комнаты! И перед совершенно другим зеркалом.

– Это все-таки сон, – вскочив на ноги, вслух признал Матвей. – Яркий, правдоподобный сон.

Из зеркала вышла богиня Макошь, ведя за собой Светлану, указала вперед на дверь:

– Ступай в зал, дитя. Эта светелка слишком тесна, а ей придется принять еще Трояна и дерзкую Валентину. А может статься, и Квасура.

Матвей послушался – они втроем перешли в просторную залу с большими окнами, стекла в которых заменяли полупрозрачные пластинки слюды, стены закрывала темно-красная ткань, а пол выглядел просто и обыденно, будучи сложен из самых обычных досок. В центре помещения возвышался трон, а двери были двустворчатыми и излишне высокими,

примерно в полтора человеческих роста.

– Позволь спросить, великая богиня, – не выдержал технолог. – Как вы это делаете? Как перемещаетесь через зеркала? Что это за устройства?

Он понимал, что все это – сон, что подобное может происходить только во сне. Но все равно не мог удержаться от вопроса.

– Это дар, присущий всем истинным сварожичам, великий Матвей, – милостиво кивнула ему всемогущая Макошь. – Перемещаться по миру с помощью зеркал способен любой из нас, из вас, любой из истинных славянских богов. Вы просто не умеете сего делать. Но мы вас обучим, дорогие дети. Я или кто-то из моих родичей.

– А как далеко действует этот механизм? В пределах континента? Планеты? А межпланетное пространство между зеркалами преодолеть получится?

– Не все сразу, – покачала головой богиня. – Вам явно надобно отдохнуть после случившегося путешествия, подкрепиться, собраться с силами. Вскоре вы получите и узнаете все, что только пожелаете. Всему свое время. Догоняйте своих друзей, а мне надобно заняться домашними хлопотами.

Матвей и Света двинулись по сумрачному коридору.

– И что ты обо всем этом думаешь? – негромко спросила девушка.

– Для розыгрыша слишком круто, – покачал головой студент. – Наверное, это сон.

– Для сна все кажется слишком реальным.

– Бывают и такие, – ответил Матвей.

Они вошли в комнату с маленьким, ничем не заделанным окном. Внутри стоял заставленный блюдами и мисками стол.

– Однако хозяйка нас уважает, – громко заметил бугай, притворяя за собою дверь. – Не в людскую отправила, вместе со всеми обедать. Отдельно угощает! Хороший знак.

Молодой человек двумя пальцами выхватил из миски кусок влажного от соуса мяса, отправил в рот, с видимым удовольствием прожевал:

– Да, это вам не пицца! Налетай, чего смотрите? Официантов не будет.

– Что, руками? – поморщилась Света.

– Вообще, по русскому обычаю, ложку и нож полагается иметь свои, – ответил тот, запуская пальцы в капусту. – Но на нет суда нет. Придется обходиться пальцами.

– Я вижу, тебе тут нравится, Викентий? – поинтересовался Матвей.

– Зарекаться не стану, – мотнул головой Один. – Но есть ощущение, что я попал в рай!

– Надеюсь, это все-таки сон, – вздохнул студент и осторожно, двумя пальцами, поднял с низкого широкого блюда толстого глазастого судака.

– Общий для всех?! Смирись, дружище! Мы попали в новый светлый мир!

– Если так, то я остался без диплома.

– Не бойсь, парень! – подмигнул ему бугай. – Богиня же объяснила: достаточно подождать три тысячи лет, и ты сможешь спокойно пересдать все хвосты.

– Я и не боюсь. Путешествия во времени невозможны. Это просто сон.

– Да брось!

– Я знаю, что нужно сделать, – неожиданно сказала девушка в топике. – Нужно погрузиться в летаргию. Глубокую, как сон. И проснуться через оговоренное время. Мы же со Светой ведьмы, у нас получится. Правда, подруга?

Пока остальные спорили, Матвей положил в рот кусочек рыбы, размял его о небо языком – и ощутил чуть сладковатый пряный вкус. Слишком яркий и настоящий для сна. И в его душе остро екнуло неприятное понимание реальности...

Внезапно дверь отворилась, на пороге появился совершенно седой мужчина, белобородый, в кожаной кирасе и серых шерстяных шароварах, заправленных в сапоги с широкими голенищами:

– Это вы молодые боги? – спросил он и сообщил: – Оборотни осадили Сарвож!

– Показывай дорогу! – тут же встрепенулся бугай. – Подробности на ходу.

Матвей тихо чертыхнулся и поднялся из-за стола вслед за бандитом. Похоже, затеянная неведомым режиссером игра началась...

Однако то, что происходило дальше, мало походило как

на игру, так и на розыгрыш – только на дурной и бессвязный ночной кошмар.

Сперва старик пошвырял молодых людей в зеркало – и они оказались в некой деревеньке с единственным большим домом и просторным хозяйственным двором. Потом Викентий – или, как называл себя бугай: «великий Один» – кинулся в лес драться со всяким зверьем, отбивающимся от пришельца из будущего с помощью луков, затем ему в помощь ринулись деревенские, вооруженные копьями с кремниевыми наконечниками, железными топорами и каменными палицами, и отбили Викентия полумертвым и залитым кровью. После чего Света исцелила парня наложением рук, и бугай тут же принялся бодро шастать по двору и клеиться к девицам в меховых платьях.

В общем – полная и невероятная бредятина...

* * *

– Сон... – пробормотал Матвей, возвращаясь к реальности от ощущения легкого утреннего холода, от упавших на лицо отблесков солнечных лучей, под радостное чириканье птиц. – Ну конечно же, это был дурной сон.

Однако веки молодой человек все равно приоткрыл с осторожностью... и тихо ругнулся, увидев бревенчатый потолок:

– Квадратуру мне в тангенс! Что, опять?!

Студент попытался вспомнить – а не послали ли их группу куда-нибудь в колхоз или не уехал ли он куда по турпутевке, потеряв сие событие в ночных кошмарах? Однако холодная логика технаря ответила, что ни в одном колхозе люди не спят вперемишку все вместе, мужчины, дети и женщины, да еще в амбарах без окон, на выстеленном лапником полу, усыпанном сверху сеном, и используя вместо обогревателя большой костер в центре сруба. И турпутевки в столь «комфортные» места нигде не продают. Ибо звездочек на него – не напасешься.

При всем том Матвей чувствовал себя бодрым, крепким и хорошо, от души отдохнувшим. В общем – на совесть выспавшимся.

Он нащупал в кармане смартфон, достал, с надеждой скомандовал:

– Окей, гугл, покажи карту! Окей, гугл, покажи ближайший город!

Однако тот сообщил, что связи нет, и попросил зарядку.

– Все никак не поверишь? – заглянула в спальный амбар Света.

– А ты? – ответил студент.

– После того как я узнала, что уродилась наследственной ведьмой, а колдовать меня научила покойная бабушка из зеркала, меня уже ничего не удивляет, – улыбнулась девушка.

– В этом мире или в том?

– В том, Матвей, в том, – кивнула Света. – В будущем. Если честно, то здешний мир, без телевизоров, Интернета, всеобщей давки и неистребимой нефтяной копоти, мне нравится больше, чем наш.

– Ты веришь, что мы попали в прошлое?

– А верить и не требуется, – покачала головой девушка. – Просто живи по совести. В прошлом мы или в будущем, какая разница? Веди себя так, чтобы не стыдно было назад вернуться. Через три тысячи лет, если Макошь не шутит, либо через пару месяцев, если это шутка, через неделю, если мы в программе «Розыгрыш». Главное, это вернуться назад с чистой совестью.

– Ладно, будь по-твоему, – Матвей выключил бесполезный телефон. – Что от меня требуется? Сразиться с оборотнями?

– Викентий их всех уже победил, – развела руками девушка. – Так что мы возвращаемся в Вологду. Ждем только тебя, засоня.

Мягкие советы Светланы ничего не объяснили Матвею, однако успокоили его, и молодой человек, уже без особого внутреннего напряжения, шагнул в серебряный диск спрятанного в кладовке рядом с жилым амбаром зеркала, чтобы очутиться во дворце богини Макоши. Он не удивился даже при появлении пухлой седой старушки, завернутой в какую-то мешковину и ростом ему по колено.

– Ступай за мной, великий Матвей, светелку твою пока-

жу! – не столько сказала, сколько прокашляла в три приема крохотулька и исчезла, чтобы возникнуть в пяти шагах далее.

Молодой человек отправился за ней – сперва по коридору к лестнице и наверх, потом в небольшую жердяную загородку, за которой скрывались пара корзин и какой-то большой ящик с сеном и несколькими шкурами. Вопреки названию «светелка» была темной – какие-то скупые лучики пробивались в нее только через узкую щель под потолком, а никаких люстр, ламп или хотя бы лампадок обстановка не предусматривала.

– Н-н-н-да... – выдохнул Матвей. – Богато... Впрочем, вещей у меня все равно нет, телефон сдох, вышивкой я не увлекаюсь. Если здесь только спать, то и так сойдет. Чтобы спать, свет не нужен.

Он задумчиво покачался с пятки на носок, развернулся и вышел наружу – чего делать в таком месте хорошо выпавшему человеку?

Осторожно пробираясь в полумраке, молодой человек в конце концов нащупал лестницу, спустился по ней до конца и стал осторожно красться в потемках, рассчитывая найти где-нибудь выход наружу. Внезапно впереди хлопнули ладоши, и сразу с двух сторон ярко полыхнули огни свечей в руках низких старушек. Между ними стояла здешняя хозяйка, всемогущая Макошь. В ее зрачках плясали кровавые огоньки, крупные черты лица казались мрачно-угрожающими. Ро-

стом женщина оказалась примерно с Матвея, но телом была крупнее раза в два, так что вполне могла применить силу. Глянцевое кожаное платье богини вызывало и вовсе не хорошие ассоциации.

– Что ты делаешь в подклети, сварожич из дальних веков? – холодно поинтересовалась она.

– Ищу выход на волю, – ответил Матвей. – Или мне положено сидеть взаперти?

– Нет, что ты, великий, – покачала головой хозяйка, хотя взгляд ее оставался суровым и ледяным. – Вы здесь не пленники. Однако в подклети находятся только кладовые. Крыльцо примыкает к нижнему жилью, оно над нами.

– Почему ты называешь меня великим? – не выдержал Матвей. – Чем таким я успел прославиться?

– Так исстари заведено, – пожалала плечами женщина. – Все мы сварожичи, потомки великого Сварога. Но обычные смертные – это просто славяне, славный народ. Богов принято называть великими. Ты бог по рождению, Матвей. Тебе надлежит принимать именно такое обращение.

– Я бог?! – громко хмыкнул студент.

– Я слышала от Похвиста, – вдруг прищурилась хозяйка Вологды, – вчера после битвы ты смог по одному лишь виду перечислить все достоинства и недостатки металла, из коего скован боевой топор моего племянника.

– Ерунда, – отмахнулся Матвей. – Обычный тест на искру. Бьешь камнем по железу и смотришь, что вылетело. Бе-

лые искры – это инструменталка; красные со звездами искры дает сталь; красные без звезд – сыромятина. Сыромятина хороша тем, что она мягкая, ее даже на слабеньких станках обрабатывать можно. Но серьезной нагрузки она не держит, рвется. Любой механизатор знает, что в ответственных узлах... ну, на движках, сцепках, тягах, сыромятину лучше не использовать. А где нагрузка небольшая, ее все-таки лучше закалить.

Великая Макошь выслушала его молча и так же молча опустила руку на пояс, обнажила один из ножей. Протянула молодому человеку рукоятью вперед:

– Что скажешь?

Матвей поднес лезвие к пламени свечи, хмыкнул и вернул обратно:

– Руки выдернуть мастеру, который это ковал! Непровар на непроваре! Лезвие неровное, заточка через пень-колоду. Тут никакой тест не нужен, и так все видно.

– Руки выдернуть, говоришь? – слабо улыбнулась женщина. – Что же, давай попробуем... Ступай за мной!

С неожиданной для своей полноты стремительностью великая Макошь промчалась по проходам подклети, поднялась выше, развернулась, так же быстро миновала коридоры нижнего жилья и тронный зал, взяла Матвея за руку в комнате за ним, шагнула в зеркало, выведя спутника в просторный бревенчатый сруб из полутораохватных бревен, с засыпанным лапником полом, мягко пружинящим под ногами.

– Где мы? – спросил студент, уже не удивленный перемещением через пространство.

– Это Устюжна, хоромы великого Сварога, – ответила женщина, толкая тяжелую тесовую дверь.

– Сварог жил в Устюжне?! – изумился молодой человек.

– Да сам он, сам переселился сюда! – с неожиданным озлоблением ответила великая Макошь. – Я не выгоняла его из Вологды! Отец увлечен варением железа, а здешние болота намного богаче рудой, нежели вологодские топи. Поэтому он предпочел перебраться сюда, на Железное поле.

Похоже, Матвей случайно коснулся больной для семьи сварожичей темы.

За срубом обнаружилась кладовка со множеством лыковых кулей, потом еще одна, а дальше они вышли под просторный навес, знакомо пахнувший дегтем, гарью, окалиной и потом – в общем, ароматами настоящей деревенской мастерской.

– Здравствуй, папа, – чуть склонила голову всемогущая повелительница Вологды.

– Рад видеть тебя, милая, – обнял женщину могучий голубоглазый мужчина лет пятидесяти на вид, пышноволосяй и густобородый, на две головы выше Матвея и вдвое шире гостя в плечах. Волосы его перехватывала идущая через лоб кожаная повязка, украшенная темно-красными рунами, тело закрывала серая безрукавка из сыромятной кожи, покрытая множеством подпалин, порезов и цветных пятен. Си-

речь: обычная рабочая спецовка. – Давненько ты у меня не показывалась, Макошь! Кваску репного испить не желаешь? А хочешь, пир велю закатить? А то ведь совсем забыла про старика! Посидим, поболтаем. О себе расскажешь, новостями поделишься.

– Чего там рассказывать, папа? – пожала плечами гостья. – Среди богов потомков у тебя пока не добавилось. Смертные же, нашими стараниями и своими молитвами, множатся успешно. Со скифами у нас, как всегда, вражда, с лесовиками война, варяги плавают, небеса на прежнем месте. Ну а главную из новостей я привела с собой, – чуть посторонилась женщина. – Познакомься, папа, это великий Матвей, твой прямой потомок в сотом поколении. Наш многомудрый Троян с помощью других твоих детей смог открыть зеркало в будущее, и мы пригласили оттуда пятерых сварожичей, дабы те помогли нам в неожиданных хлопотах.

– Вот как? – с интересом оглядел студента великий Сварог. – Ну, иди ко мне, внучек, дай я тебя обниму!

Матвей, с любопытством созерцая легендарного прародителя всего славянского народа, послушался, подошел, обнялся с прапрапра... – и так не меньше ста раз – ...дедушкой.

– Ну, хоть ты Расскажи чего-нибудь новенькое, – предложил могучий бог. – Чего там, в будущем, интересного? Как людям живется, кому молятся, о чем мечтают?

– Если честно, то куда лучше, чем здесь, живется, – откровенно признался Матвей, доставая смартфон. – Веселее

и спокойнее.

Однако его телефон уже разрядился насмерть, даже не включился.

– Ты знаешь, что он сказал про твой нож, папа? – обнажила клинок богиня.

– И что? – заинтересовался великий Сварог.

Матвей внутренне напрягся.

– Сказал, что может сделать лучше, – усмехнулась хозяйка Вологды и передала нож студенту.

Тот облегченно перевел дух, покрутил в руках достаточно грубую железную поделку с изящной резной рукоятью из оленьего рога: анатомической формы, с выемками под пальцы, и с оленьей головой в наверху, цокнул языком.

– Коли можешь, внучок, то покажи умение, порадуй старика, – посторонился бог-кузнец.

Матвей долгим взглядом обозрел мастерскую и душевно пробормотал:

– Квадратуру мне в тангенс...

На полу кузницы, в разных местах, валялось несколько гладко окатанных булыжников, каждый размером в человеческую голову. Зачем? Студент-технолог не смог этого даже предположить. Между камней темнели так же небрежно разбросанные молотки. В центре, прямо в глиняном полу, горел очаг примерно метровой окружности. Судя по количеству углей – это был горн. Студент подошел к нему, присел рядом на корточки, лезвием ножа поворошил содержимое,

нашел продолговатую поковку.

– Поковка-то бордовая! Значит, температура не выше семисот градусов, – сделал он вывод. – При такой температуре даже я ни хрена не сделаю. Для нормальной работы с железом нужен ярко-красный цвет каления. То есть как минимум девятьсот градусов. А еще лучше: оранжевый! Наддув нужен, дедушка. Без него в «красную зону» не попасть.

– Так вон поддувало! – указал на берестяную пластину великий Сварог.

– Бабьим веером двухсот градусов не набрать, – показывал головой Матвей. – Требуется меха серьезного объема, с большим воздушным напором. И качать окислитель требуется снизу, на продув, а не сверху нежненько навевать. Это же не шашлык! И вообще... Для нормальной работы нужна нормальная наковальня. Высокая и широкая. Чтобы возле нее спокойно во весь рост стоять и молотом из-за головы размахиваться. Нужен высокий горн, с нижним подводом и постоянной подкачкой. А все вот это... – он развел руками. – На корточках возле ямки... Кустарщина это, а не кузня!

Великая Макошь опасливо кашлянула, покосилась на отца.

Тот стянул со лба кожаную ленту, оттер лицо запястьем. И безо всякого гнева ответил:

– Не все из сказанного тобою я понял, дитя. Однако же чувую, ты понимаешь, чего потребно дляковки успешной сотворить. Посему: делай все, что надобным сочтешь. Дозво-

ляю!

Матвей растерялся. Такого поворота он совершенно не ожидал.

«Делай!»...

Легко сказать!

Одно дело – вещать, критиковать и указывать, находя недостатки в чужой работе. И совсем другое – самому обустроить правильную мастерскую для обработки железа.

В неолите!!!

– О чем задумался, великий Матвей? – В голосе хозяйки Вологды молодому человеку почудилось презрение. Она явно решила, что гость из будущего горазд токмо языком трепать да указания снисходительно раздавать.

– Вот, посмотри, – вскинул студент руки, повертел ладонями. – Это все, что у меня есть. А для мехов нужны сыромятные шкуры. Много. Нужны доски для каркаса. Тонкий тес. Нужны жерди и толстые чурбаки для каркаса и глина для горна. И большой валун с одной гладкой стороной. Я так подозреваю, что готовой наковальни у вас не купить.

– Шибко большой? – уточнил прародитель славян.

– Ну, хотя бы так... – Матвей указал ладонью высоту чуть ниже пояса.

– Изрядно! – крикнул великий Сварог. – Так сразу подходящий и не вспомню. Надобно искать. Вот глина есть. За- всегда для криниц запас вымачиваю.

– Ладно... – студент стал расстегивать рубашку. – Всякая

инициатива карается необходимостью ее исполнения. Топор и жерди у вас найдутся? И какая-нибудь спецовка...

– Верни его к ужину, папа, – попросила великая Макошь. – Вдруг он понадобится кому-то из друзей?

Получив нормальную работу, Матвей сразу ощутил себя в своей колее. Прикатил со двора длинный ровный чурбак, полосатым от непроваров топором за полдня развалил его на две половины. Сколотым наискось кремниевым осколком, постукивая по нему березовым поленом, заровнял колючий из-за щепы край. Долото и молоток этот нехитрый инструмент успешно заменил. Хотя, понятно, нормальными слесарными принадлежностями работать было бы быстрее и удобнее. Затем величайший из богов, прародитель всех славян и его правнук в сотом поколении пообедали, сидя на бревнышке бок о бок и запивая из общей крынки шипучим желтым квасом копченую белорыбицу. Подкрепившись, Матвей снова взялся за полено и кремниевое долото, выдалбливая в чурбаках пазы под перекладины каркаса, а пышноволосяй Сварог принес в мастерскую несколько длинных жердей и умело подрубил их в нужный размер.

К сумеркам каркас горна был практически готов.

– Завтра глиной замажем, и можно браться за меха, – хлопал ладонью о ладонь студент.

– А ты молодец, внучек, – неожиданно признал великий Сварог. – И голова на месте, и руки правильно растут. Таковыми потомками можно гордиться.

– Все в тебя, дед! – ответил Матвей.

– Пойдешь ко мне в помощники али свое ремесло затеять желаешь? – поинтересовался прародитель славянского народа.

– На полпути дело всяко бросать нельзя, – покачал головой молодой человек. – Сталь нормальную сварим, а там посмотрим.

– Ну вот и славно! – обрадовался бог кузнецов. – А то затосковал я чего-то без толковых помощников. Ты первый, кто хоть немного ведает, что творит.

Великий Сварог довел гостя до зеркала, обнял на прощание и толкнул в глянцевый овал.

– Ужин ждет, великий Матвей! – встретила его у зеркала крохотная старушка. – За мной ступай, к столу проведу.

В темноте вечерних коридоров светильник в ее руках оказался весьма к месту – где и что находится во дворце владительницы Вологды, студент-технолог все еще не понимал. И поэтому, подкрепившись за обширным столом, вытянулся рядом с ним на лавке, блаженно закрыв глаза.

– Ты разве не поел, великий Матвей? – шепнул в самое ухо хриплый голосок.

– Спасибо, все было очень вкусно. Однако пути в спальню боюсь в темноте не найти.

– А ты помощницу домовую спроси.

– Это какую? – приоткрыл глаза студент и не особо удивился, увидев у лавки маленькую старушку в замшевом пон-

чо, с морщинистым лицом и тщательно зачесанными на затылок седыми волосами.

– В ладоши хлопни да спроси: «Воструха-берегуха, покажи, где моя опочивальня?»

Матвей послушался, ударил в ладоши, произнес подсказанную фразу, и старушка тут же предложила:

– За мной ступай, провожу!

– Чего же раньше не провела?! – поднялся со скамьи молодой человек.

– Так ты же не просил, – с логикой компьютерной программы парировала воструха и исчезла, чтобы возникнуть снова уже возле дверей.

– Три тысячи лет, а ничего не изменилось, – усмехнулся студент и легкой трусцой погнался за хранительницей дома, чтобы подняться на два этажа выше, раздеться и упасть на меха, укрывающие высокую охапку сена.

Утром его подняла опять воструха, уже другая, торопя к завтраку, а сразу после еды – провела к зеркалу.

– Похоже, отцу ты пришелся по сердцу, – кратко сообщила великая Макошь, встретившая гостя возле темного овала, и легким движением отправила его за несколько сотен километров, через бескрайние леса, глубокие реки и бездонные топи в далекую Железную Устюжну.

В мастерской молодого человека уже дожидались три деревянных корыта с глиной и великий Сварог, строгающий ольховую ветку. Причем даже бог-кузнец предпочел для

этой аккуратной работы не железный нож, а нож из оленьего рога, со вклеенными в лезвие пластинками острейшего обсидиана.

– Так, внучок? – указал он на уже лежащие на козлах два деревянных цилиндра.

– Оно самое, дедушка, – кивнул Матвей. – С добрым утром.

Ровно оструганные палочки они завернули в бересту и вмуровали в самый низ будущего горна – чтобы потом вытянуть, а в получившиеся отверстия вставить носы мехов. Затем в четыре руки выложили стенки.

Больше всего времени ушло на изготовление мехов – портной из Матвея получился не самый лучший. Однако за три дня студент все же добился намеченного: смастерил два больших мешка с пластинами наверху. При нажатии на педаль – пластина опускалась, выдувая воздух. Убрал ногу – и подвешенный через балку валун поднимал пластину наверх, наполняя меха.

Обратными клапанами работали кожаные лоскуты, пришитые над отверстиями размером с кулак. Простенько, но надежно.

На пятое утро студент неожиданно застал за завтраком обеих девушек. Хотя Светлану узнал не сразу. Она переоделась по местным обычаям, и теперь ее облачало длинное, до пят, одеяние из очень тонкой и мягкой бежевой замши, хорошо демонстрирующей все изгибы спортивного тела. По

тали, вокруг шеи и на запястьях шли полоски белоснежного песцового меха, на груди красовались костяные шарики, сразу под воротом и по краю манжет сверкали шарики перламутровые. Наряд завершали жемчужные серьги и заколка в волосах, тоже украшенная жемчужной россыпью.

– Матвей, не пропадай никуда сегодня, – кивнула ему девушка. – Великая Макошь ближе к полудню девушек пришлет, жену себе выберешь.

– Как раз сегодня я не спешу... – разделяясь с куропаткой, ответил молодой человек. Только через минуту до Матвея дошло, что именно он услышал, и студент заорал в спину уходящей Светы: – Стой! Какую еще жену?!

– Викентий отказался, ты нет, – чуть задержалась в дверях девушка. – Посему богиня Вологды подготовила все для твоей свадьбы.

– Но я просто промолчал! – рывкнул Матвей, однако створка уже закрылась.

– Молчание – знак согласия! – заржала одетая во все тот же красный топик Валентина. – Ну, парень, ты попал!

– Да чтоб его... – Матвей мотнул головой и потянулся за куском ветчины.

– У тебя даже аппетит не пропал? – разочаровалась Валя.

– Предлагаешь совершить побег? – хмыкнул молодой человек. – Ты хоть пару дней одна в этом мире протянуть сможешь?

– Тюха ты матюха, – поморщилась девушка. – Бежать оно,

понятно, некуда. Но мог бы хотя бы поскандальить! Мужик ты или нет?

– Сперва нужно осмотреть невест, – ответил Матвей, запил ветчину квасом и поднялся. Первое волнение от услышанного известия прошло, и он решил не торопиться с паникой. В конце концов, он не целомудренная девица, чтобы бояться брачной постели. Мужикам в этом вопросе всегда проще. – Пойду к реке, умоюсь. Ты не знаешь, тут мыло есть?

– На берегу есть отличный натуральный скраб. Речной песок называется, – засмеялась Валентина. – Не убегай, я с тобой! Не хочу упустить подобное зрелище!

Избавиться от назойливой спутницы не удалось – что, однако, пошло на пользу. Валя успела познакомиться со здешней речкой и показала удобное для купания место. И даже посоветовала использовать в качестве мочалки пучки жесткой травы. Во дворец студент вернулся опрятным и посвежевшим, без глинистой пыли в волосах и потной корки на теле.

Светлана встретила будущего жениха на крыльце, протянула руку:

– Пойдем, Матвей. Суженые твои уж извелись все в тронном зале.

Молодой человек взял ее за локоть, и так, вместе, они и вошли в распахнутые двери главной вологодской палаты.

– Ого, квадратуру мне в тангенс! – чуть не споткнулся Матвей, увидев, что здесь творится. – Неужели все это зате-

или ради меня?

Правительница Вологды подошла к вопросу на совесть и собрала на смотр никак не меньше трех сотен девушек: стройных и толстеньких, высоких и низких, русых, блондинок и черноволосых, белокожих и смуглых. Ее гость получил такой выбор, о котором не мог даже и мечтать!

– Встаньте плечом к плечу, девочки, – отпустив жениха, распорядилась Светлана. – В толпе юный бог не сможет всех вас рассмотреть. Дайте ему пройти между рядами!

Невесты зашевелились, выполняя приказ явившейся из будущего богини. Правда, после долгой суеты, встали не рядами, как предполагалось, а в неровную длинную спираль. Однако Света ничего менять не стала и просто сделала приглашающий жест.

– Ладно, – ощутив на спине нервный холодок, кивнул молодой человек. – Посмотрим, что здесь творится...

Матвей медленно вошел в бесконечный лабиринт дивной красоты, двинулся между девушками – длинноволосыми и курчавыми, пышногрудыми и стройными, широкобедрыми и худышками, упитанными и плоскими. Некоторые из них скромно опускали взор, некоторые смотрели прямо в лицо, то ли дерзко, то ли призывно, кое-кто облизывал губы, иные улыбались, иные прикусывали пряди волос...

Спустя несколько минут Матвей вышел к подругам и покачал головой:

– Даже не знаю... Их слишком много. И все хорошенькие.

Мне, наверное, нравится половина из них.

– Я знаю, что нужно сделать! – вскинула палец Валя. – Нужно сыграть в «третий лишний». Сперва укажи тех, кто точно не нравится. Мы их спровадим...

Светлана, не обращая на нее внимания, обняла молодого человека и прошептала на ухо:

– Выбирай не ту, что понравится. Выбирай ту, какую потерять будет страшно. Смотр кончится, они разъедутся, и никого из сих девушек ты не увидишь более никогда в жизни! Среди красавиц есть та, с которой тебе будет жалко расстаться? Иди и помни: ты видишь их последний раз в жизни. Но одну из всех ты можешь сохранить...

Гостя из будущего еще что-то нашептала, коснулась пальцами его переносицы, губ и сердца и тихонько толкнула в спину.

Молодой человек вошел в лабиринт снова, скользя глазами больше по лицам, а не по телам, проходил между брюнеток и блондинок, щекастеньких и белокожих, голубоглазых и карих... Внезапно его душу кольнуло что-то, похожее на разочарование, и Матвей замер, сделал шаг назад, к миниатюрной густо-густо-рыжей девчонке с россыпью задорных веснушек на щеках. Девушка подняла на молодого человека большущие синие глаза, пару раз торопливо хлопнула ресницами, и Матвей понял причину своего разочарования. Ему стало отчаянно жаль, что больше никогда в жизни он не увидит этих голубых глаз, не сможет зарыться лицом в густые

рыжие кудряшки, что целовать эти веснушки будет кто-то совсем другой...

Студент колебался всего секунду, потом решительно взял конопушку за руку и, расталкивая прочих девушек, вывел вперед, поставил перед Светой:

– Вот, ее выбираю! Что дальше?

По тронной палате прокатился вздох разочарования.

– Как тебя зовут, красавица? – провела пальцем по щеке невесты великая Светлана.

– Заряна, светлая богиня, – склонила голову конопушка.

– Последний шанс передумать, Матвей, – предупредила Светлана. – И обратной дороги не будет. Так что, добрый молодец? Согласен ли ты взять в жены сию красавицу, смертную деву Заряну?

– Согласен, Светик, – кивнул молодой человек. – И никакую другую мне не надо.

– Благодарю тебя, мой бог! – рухнула на колени рыжая девица, сжимая его ладонь. – Клянусь, ты никогда не пожалеешь о своей милости!

– Невесту, похоже, можно не спрашивать, – заржала рядом Валентина.

– Встань, Заряна, – поднял девушку с коленей Матвей. – И запомни отныне и навсегда. Если ты хочешь меня за что-то поблагодарить, то должна не кланяться, а целовать меня в губы. Ты поняла, милая?

Рыжая закивала. Из ее глаз катились слезы.

– Ты согласна связать свою судьбу с моей?

Заряна закивала еще чаще.

– Ты этому рада?

Избранница набрала в грудь побольше воздуха, закинула руки Матвею за шею и крепко-крепко поцеловала его.

– Тьфу, меня сейчас вырвет, – поморщилась Валентина. – Уровень розовых соплей двести двадцать баллов.

В ответ Света громко хлопнула в ладоши и объявила:

– Бог Матвей сделал свой выбор, прекрасные дочери славного народа! Отныне у него есть невеста! Возвращайтесь к родным домам, красавицы, и передайте, что в семье славянских богов горит теплом и жизнью еще один очаг! Корень земли нашей расширяется и крепнет! И пусть с возвращением вашим ваши дома и веси наполнятся любовью, согласием и покоем!

Светлая богиня опустила голову. Отвергнутые невесты с недовольным шелестом потянулись к дверям, ответно склоняясь перед великой. А когда неудачницы покинули залу – Света поманила молодых за собой.

Выйдя за стены города, она повернула направо, быстро зашагала по натопанной тропе и вскоре вошла в яблоневый сад, разбитый среди огромных валунов, стоящих каждый на своей цветочной клумбе. Здесь гостей встретил правильный, как с картинки, волхв: тощий, седобородый, с посохом и в длинной мантии. Поклонился, проводил к роднику, возле которого возвышался пышный куст вербы, украшенный лен-

точками, веревочками и даже перламутровыми и костяными побрякушками, похожими на женские украшения.

Волхв оперся обеими руками на посох, внимательно посмотрел на жениха, на невесту. Спросил:

– Зачем явились вы сюда, дети славного народа?

– По завету матушки всеобщей Триглавы-кормилицы все- сильной желаем мы воедино себя связать, мудрый сваро- жич, – тихо подсказала Светлана, стоя за спиной Матвея, – дабы из птах неприкаянных единым целым стать, с душою и плотью единой, домом и чадами общими...

– Желание сие похвально, – умный волхв сделал вид, что принял голос светлой богини за речь юноши. – Однако же тверд ли и верен выбор ваш, дети? Узы священные брака разорвать не по силам ни богам, ни смертным, и потому вы должны быть уверены, что о поступке сем не пожалеете. Крепка ли ваша любовь, дабы в пути дальнем через поприще смертной судьбы не погаснуть, не истрепаться, не исчезнуть? Хорошо ли вы друг друга знаете, давно ли познакомились?

– Часа полтора назад, наверное, – признался Матвей.

– Да вы что?! – совершенно искренно возмутился волхв. – Ступайте отсель, и чтобы я вас здесь больше не видел!

– А-а-а... – растерялся было Матвей, но Заряна, лучше знакомая с обрядом, взяла его за руку, повела вокруг празд- ничного куста, и спустя минуту, сделав первый оборот, мо- лодые вновь предстали перед старцем.

– Экие вы упрямы! – всплеснул руками тот. – Я ведь се-

рьезно сказываю! Первый раз друг друга углядели, и сразу туда же, детишек строгать нацелились! А ну, не сложится у вас, что тогда? Сиротами голодными и неухоженными малюткам оставаться? Ступайте отсель и подумайте еще раз, прежде чем поступок необратимый свершать!

Молодые обошли куст второй раз и снова оказались перед волхвом.

– Ступайте отсель, дети мои, – пригрозил им посохом старец, – ибо если появитесь здесь еще раз, свяжу вас навеки воедино божьей волей и именем, и изменить сего вы уж никогда более не сможете!

Гость из будущего и юная славянка отправились на третий круг. Пока они совершали последний оборот, Светлана тихо подошла к старику и встала рядом с ним. И когда Матвей и Заряна завершили последний оборот, изрекла вместо волхва:

– Что же, дети мои. Вестимо, тверда воля ваша и отговорить вас от нее никому не по силам. Матвей, подними правую руку, а ты, Заряна, левую.

Жених с невестой послушались, и Светлана связала их поднятые мизинцы воедино.

– Светом Яриловым, водой текучею, травой зеленою, ветрами быстрыми, землею сырою, кровью Свароговой закликаю нить сию на вечную крепость! Связую отныне на веки вечные во единую судьбу, во единую душу, во единую радость и единое горе и единую плоть внука Сварогова Матвея

и внучку Сварогову Заряну в семью одну, плоть к плоти, душа к душе, жизнь к жизни. И пусть всегда, покуда вы рядом, в глазах своих, в прикосновениях и объятиях купаетесь вы в любви, счастья и радости, ако купава прекрасная в водах текучих купается, но завсегда твердо на месте своем остается! Отныне и навсегда заклинаю вас волей и силой своею! – Светлана крепко сжала поднятые мизинцы молодых, отпустила и сделала шаг назад: – Отныне вы муж и жена, Матвей и Заряна. Можете целовать друг друга. И больше не останавливаться!

– Неплохо, скромненько и со вкусом, – похлопала в ладони Валентина. – Мне кажется, я даже уронила соленую слезу зависти.

Девушка подсунула большие пальцы под лямки своего топики, подождала, пока молодые нацелуются, подошла, крепко обняла их за плечи:

– Поздравляю, ребята! И очень надеюсь больше никогда и ничего о вас не услышать!

– Это доброе пожелание, молодые, – на всякий случай уточнила Света. – Валентина у нас темная богиня. Если она ничего о вас не услышит, значит, у вас не случится никаких неприятностей.

– Спасибо, великая, – широко улыбнулась злой ведьме Заряна.

– Да всегда пожалуйста! – отмахнулась Валя и отступила. Огляделась и ушла куда-то в сторону, в то время как все

остальные отправились в Вологду.

Молодые супруги шагали рука к руке, сжимая ладони друг друга, однако смотрели при этом в разные стороны, не решаясь встретиться взглядом. Ни смертная, ни провалившийся из будущего бог никак не могли столь быстро привыкнуть к своему новому состоянию. Еще утром не знали друг друга и не ведали, и вдруг бац! Они уже муж и жена.

Возможно, что-то изменилось бы за время обычного в таких случаях торжества, однако едва светлая богиня и юная пара поднялись на крыльцо, как рядом возникла крохотная старушка:

– Бог Матвей, тебя великая Макошь сыскать велела.

– Где она? – спросила Света.

– Там, – махнула на дверь воструха и сгинула.

– Надо ей помолиться! – спохватилась Светлана, вскинула пальцы к вискам. Улыбнулась: – Оп, получилось! Тебя не Макошь, тебя великий Сварог призывает. Пойдем, я вас к нему отправлю.

– Сам прародитель Сварог?! – охнула Заряна. – Я его увижу?

– А ты умеешь ходить через зеркала? – засомневался Матвей.

– Ты тоже умеешь, – спокойно ответила Света. – Просто тебя не научили. Пойдем скорее, не стоит заставлять ждать нашего великого первопредка.

Светлая богиня, в отличие от древних сварожичей, своих

спутников в зеркало не кидала и не толкала, а спокойно провела, взяв за руку. Сперва Заряну, затем ее мужа. Замерла, глядя по сторонам, пожала плечами:

– Куда дальше, не знаю...

– Пошли покажу, – направился к дверям Матвей.

Он был уверен, что найдет великого Сварога в кузнице, и оказался прав. Пышноволосяй старик занимался пристраиванием мехов к горну, вмазывая горловину одного из них в отверстие под горном.

– Хорошего тебе дня, дедушка!

– И тебе здоровья крепкого, внучок! – распрямился могучий бог.

– Позволь познакомить тебя, дедушка. – Матвей обнял за плечи рыжую девчонку и поставил ее перед собой. – Это Заряна, моя жена. Сегодня обвенчались...

– Приветствую тебя, всевеликий создатель! – Девушка опустила голову и как бы упала на колени, поджав ноги... Но оставшись висеть в крепких руках мужа. Хватка у студента-грузчика была ничуть не слабее, нежели у механического манипулятора.

– О небеса, позор моим седидам! – схватился за голову могучий прародитель славянского народа. – Я совсем забыл, что у тебя сегодня торжество! Ты уж не сердись, Матвей, прости старика. Я нашел камень, подходящий под твое описание, и так обрадовался, что забыл про все остальное.

– Ничего страшного, дед. Мы только рады увидеть тебя в

этот день рядом с нами. Правда, Заряна? – Матвей отпустил плечи жены, уставшей поджимать ноги и опустившей их на пол.

– Все равно... – Великий бог хлопнул в ладоши: – Эй, вострухи-хлопотуньи! Для внука моего и жены его светелку лучшую отвести повелеваю и угощения праздничные туда доставить!

– Дедушка, познакомься, – Матвей указал на свою вторую спуницу. – Это Светлана, твоя прапраправнучка, что родится через сто поколений от сегодняшнего дня.

– Светлая... – пышноволосяй Сварог приблизился к девушке, положил тяжелую ладонь ей на плечо, одним лишь указательным пальцем коснулся ее шеи и подбородка. – Ты красавица, внученька моя. И силу ощущаю в тебе великую. Силу, способную перевернуть весь мир! Такими потомками гордиться не грех.

– Благодарю тебя, дедушка, – склонила голову светлая богиня.

– Однако сегодня тревожить никого более не стану! – вскинул ладони величайший из богов. – Ныне лучший день в жизни твоей, великий Матвей, случился. И я в нем, конечно, лишний. Ступай, внучек, с любимой наедине оставайся. Вижу, огонь в крови вашей уж разгорелся. Вон, у красавицы твоей волосы, что пламя в костре, полыхают.

Заряна зарделась, попыталась пригладить рыжие кудри.

– За мной ступай, бог Матвей! – воплотилась из воздуха

старушка в замшевой шапочке с подпалинами и вытертом кожаном платье и тут же исчезла, снова возникнув возле дверей.

Девушка испуганно взвизгнула, прячась за мужа, молодой человек посмотрел на собеседников:

– Дедушка, Света...

– Да уж ступай, ступай, – махнул на него бог-кузнец. – У тебя сегодня дело поважнее имеется, нежели валуны ворочать!

– Совет да любовь, – добавила Света.

Следуя за пропадающей и возникающей вострухой, Заряна и Матвей добрались до лестницы, поднялись на второй этаж, прошли десяток шагов и оказались в небольшой комнате, со стенами из толстенных бревен, между которыми выпирал толстый слой болотного мха, и с полом, выстеленным вперемешку шкурами волков, оленей и барсуков. Окон здесь было два, и оба из пластинок полупрозрачной слюды; потолок строители набрали из плотно подогнанных одно к другому бревен. Видимо, сверху имелись еще какие-то жилые помещения.

– Здесь жить станете! – каркнула воструха и исчезла, оставив после себя погасший глиняный светильник, от фитиля которого тянулся вверх тонкий горьковатый дымок.

Матвей, следуя порыву, поднял лампу и потерял ее выпуклый бочок.

Увы, джинн не появился.

– Неужели это все наше?! – восхищенно вскинула ладони ко рту Заряна, крутясь в центре комнаты. – Все это, все хоромы только для нас двоих?! И мы здесь будем одни?! Вот это да!

Богатство, вызвавшее столь великий восторг девушки, состояло из застеленного овчиной возвышения, берестяного короба с какими-то нитками и палками в углу, пары ламп, одна из которых была в руках Матвея, а вторая покачивалась под потолком, да трех ивовых корзин: двух пустых в углу, вставленных одна в другую, и одной полной, с толстой, плетеной из лозы рукоятью.

Отнеся лампу к стене, дабы ненароком не раздавить, молодой человек присел возле корзинки, заглянул внутрь. Там лежали пахнущие пряностями кульки из крупных листьев хрена, стоял большой горшочек с какой-то жидкостью, издающей кисло-сладкий аромат, и два горячих глиняных куска, покрытых мелкими, влажно парящими трещинками.

– Расскажу, ведь никто не поверит! – раскинув руки, упала на овчину Заряна.

Матвей вспомнил деревеньку, в которой они ночевали в первый вечер. Тамошний жилой амбар был чуть больше этой комнатухи, а набивалось в него, наверное, человек пятьдесят. Если сравнивать с теми условиями, то здешние и вправду могли показаться царскими. А если с обычной, даже самой нищей деревенской избушкой из двадцать первого века...

Студент сунул руку в карман, достал смартфон, посмотрел в его навеки погасший экран.

– Все то, что мы принимаем за колдовство, на деле есть лишь недостаток нашего знания, – пробормотал он услышанный где-то давным-давно, еще в том далеком будущем, афоризм. – Последние осколки неведомого мира.

– Что это? – заинтересовалась Заряна, приподнявшись с постели.

– Маленькое зеркало, – отер мертвый телефон о рукав рубашки Матвей и протянул девушке: – Это тебе. Мой свадебный подарок. Бери.

– Настоящее зеркало?! – задохнулась от восторга девушка, схватила темную пластинку, закружилась с ней по комнате. – Оно тоже мое?!

Рыженькая замерла, вскинула смартфон перед собой, поправила волосы, мотнула головой, ткнула себя пальцем в нос, звонко рассмеялась, опять запустила пятерню в волосы.

– Если микроскоп больше ни на что не годится, то почему бы и не забить им гвозди? – философски пожал плечами Матвей и снова заглянул в корзинку: – Как я понимаю, в глине запеченная рыба. В одном кульке копченая осетрина, в другом... Ого, курага! Не думал, что она тут есть. Еще здесь какая-то нарезка... Похоже, капуста с морковкой. Репа, свекла, молодая морковь... Ветчина... Ух ты, и целый горшок меда! Ты чего-нибудь хочешь?

– О великий!

От такого обращения Матвей резко выпрямился, ожидая очередного подвоха судьбы. Но перед ним стояла всего лишь рыжая девушка с пунцовыми губами и синими, словно угольное пламя, глазами.

– Мой бог! Мой муж! Мой любимый! – сглотнув, произнесла она. – Ты никогда не пожалеешь, что выбрал именно меня...

Она резко повела плечами, и ее сарафан с заранее распущенными завязками соскользнул вниз, оставив славянку совершенно обнаженной.

До нижнего белья в этом мире пока еще никто не додумался.

Заряна нервно облизнулась, закинула руки мужу за шею и прильнула к нему в жадном нетерпеливом поцелуе.

* * *

Великий Сварог даровал своему прапраправнуку в сотом поколении целых два дня покоя. В горнице молодоженов в сии дни и ночи появлялась токмо воструха, поднося новые угощения, да сами они иногда выскакивали во двор по насущной нужде, каковая не обходит даже самых могучих богов. На третье утро прародитель славян самолично постучал кулаком в дверь Матвея и громко позвал:

– Солнце поднимается, внучек. Поднимайся и ты, чадо, и пошли. Путь предстоит долгий.

Недавний студент обнял и поцеловал жену, поднялся, натянул джинсы, застегнул рубаху – и отправился к Сварогу.

Прародитель славян ничуть не преувеличивал – пробираться по узким тропкам, проложенным где сквозь чащу, где вдоль речных берегов, а где и вовсе по руслам ручьев, им пришлось почти целый день, с несколькими остановками на перекус. Наконец боги выбрались на берег широкой реки, и Сварог указал на шумящий под обрывом перекат:

– Вон, посмотри, какой красавец! Даже странно, что до сих пор ни один из богов не освятил его своим именем и не поставил в святилище для треб и поклонения.

В вечернем солнце стремительные волны бились о серый валун, примерно трех шагов в длину, двух в ширину и с совершенно плоским верхом на уровне пояса.

– То, что надо! – обрадовался Матвей. – Когда его привезут в кузню?

Великий Сварог удивленно вскинул брови. Молча и внимательно посмотрел на праправнука.

– Понятно, – вздохнул студент, сникнув под взглядом прародителя. – Халявы не будет, тащить придется самим, – гость из будущего почесал в затылке. – У меня такая мысль, дед. Давай плот сколотим, булыган на него поднимем, и по воде...

– Река течет туда, – показал на восток бог-кузнец, – а Устюжна там... – Сварог ткнул пальцем себе за спину.

Молодой человек чертыхнулся, прикусив губу. Мотнул головой, разделся, полез в воду. Пристроился к валуну сбо-

ку, навалился...

Тот даже не дрогнул.

Матвей выбрался на берег, протянул руку к деду. Мудрый Сварог достал из поясной петли свой топор, отдал правнуку. Тот в несколько прыжков перебрался в лес, сильными ударами срубил сосенку примерно в две руки толщиной, попытался отсечь вершину – но неудачно. Чертыхнувшись, Матвей положил топор на ближайший камень, выправил замятое лезвие подобранным здесь же булыжником. Срубил вершину, грубо отесал. Еще раз выправил топор, вернул богу-кузнецу. Полез обратно в реку, подsunул слегу под край валуна, навалился...

Камень сочно чмокнул, выворачиваясь из тысячелетнего ложа, громко булькнула вода, заполняя яму – Матвей торопливо сунул слегу глубже, навалился плечом, и его добыча перевалилась с боку на бок, подкатившись на пару шагов к берегу. Там, среди мелких валунов, уже приплясывал огонек костра.

– Иди сюда, внучок, грейся! – позвал из темноты великий Сварог. – Утро вечера мудренее. В темноте все едино много не наработаешь.

Матвей послушался, выбрался на обрыв и сел рядом с прародителем славян, протянул руки к огню.

– Мы же боги, дедушка! – устало выдохнул он. – Неужели нельзя просто выдернуть волосинку, щелкнуть пальцами, и чтобы валун сам собою переместился в кузню?

– Конечно, можно, внук мой, – согласился великий Сварог. – Ты можешь дернуть волосок и можешь щелкнуть пальцами. Тебе дозволительно даже выдернуть волосинку и произнести колдовские слова. Только не забудь потом взяться за слегу и выворотить валун на берег.

– Но мы же боги, дед! Мы всесильны!

– Это верно, внучек, – согласился величайший из богов, сотворивший, по легендам, весь обитаемый мир. – Мы все-сильны. Мы бессмертны, и потому можем позволить себе двести лет строить дом, дабы потом обитать в роскошных хоромах. Мы прорицательны и потому способны пятьсот лет варить в котлах болотную грязь, дабы наши внуки летали на стальных птицах. Мы могучи телом, и потому ты в одиночку вывернул камень, с которым не управились бы десять смертных. Мы всесильны. Но главная наша всесильность, о великий Матвей, есть терпение и настойчивость. Жизнь смертных для нас лишь малый миг. Эти наивные дети, дарующие нам могущество, видят только результат, не ведая о веках труда, ведущих к цели. Минует всего пара поколений, и сгинут все, кто увидит, как ты мучился, перекатывая сию наковальню в наш дом. Останется лишь память о великом Матвее, коему захотелось получить свой собственный священный камень. Сей Матвей дернул волосок, щелкнул пальцами, и громадный валун перенесся на пятнадцать поприщ через леса, холмы и топи.

Всемогущий Сварог тихо рассмеялся.

– Терпение и труд все перетрут? – вспомнил бессмертную истину студент. – Я всегда подозревал, что именно так и происходят все чудеса. Скажи, дед, а сколько лет ты потратил, создавая весь этот мир? Миллион, два? Четыре с половиной миллиарда?

– Смертные склонны преувеличивать наши возможности, внук мой, – скромно признался великий Сварог. – Однако стоит ли их разочаровывать? Ведь наше могущество складывается по капелькам из их искренних молитв. Если мы потеряем их веру, они потеряют наше покровительство. И кому от этого станет лучше?

Внезапно в темном воздухе захлопали крылья, пламя костра почти легло наземь от обрушившегося на него ветра, и на высокую траву опустился огромный пес размером с сенбернара – однако короткошерстный и украшенный широчеными крыльями.

Сложив оные, он поставил к ногам прародителя славян тяжелую корзину, вытянул лапы и опустил голову на них, косясь на паренька большим глазом с пляшущими языками пламени внутри.

– Крылатых псов не бывает, – мрачно сообщил Матвей.

– Это точно! Никогда ни одного не видел, – согласился Сварог, выгружая из посылки тушки копченой рыбы и крупные окорока, чем-то похожие на страусиные. – Судак еще горячий. Хочешь?

– С удовольствием, – кивнул Матвей, не отрывая взгляд

от крылатой собаки. Он чувствовал в происходящем некий подвох, но пока не понимал какой?

– И как тебе этот парень, папа? – внезапно спросила психона.

Молодой человек от неожиданности едва не подавился рыбой. Что-то невнятно промычал.

– Я понимаю, мальчик, что ты хочешь сказать, – зевнула собака. – Говорящих псов не бывает.

– Ты сын Сварога?!

– Тебе что-то не нравится, несчастный?! – Гость вскочил, развернув широкие, словно у «Сесны», крылья и приподнявшись на задние лапы.

– Ты бог, а не собака! – догадался Матвей. – Загадка была в этом!

Всему прочему он уже не удивлялся. Устал.

– Я великий Семаргл, могучий повелитель огня, – пес опустился обратно на землю и сложил свои громадные опахала. – А вот кто ты, мальчишка?

– Зовут Матвей. Происхождением, как выяснилось, сварожич, – ответил студент. – Самый обычный недоучившийся технолог. Бродят слухи, что вдобавок еще и бог.

– И что означает сие неведомое звание? «Технолог»?

– Если я не смогу сварить сталь, то ничего, – Матвей кинул обглоданную хребтину судака в реку.

– Что такое «сталь»?

– Нечто очень прекрасное, Семаргл, – ответил за молодого

человека бог-кузнец. – Путь к величию.

– Коли так, великий технолог, – приподнял крыло собакообразный сын Сварога, – иди сюда. А то замерзнешь.

Под крылом Семаргла спалось тепло и мягко, словно на электроодеяле. Матвей буквально выключился на всю ночь, очнувшись лишь на рассвете, когда сварожичи поднялись.

– До вечера, отец! – звонко провозгласил летающий пес и взмыл в синеву.

Бог-кузнец и бог-технолог позавтракали окорочками и полезли в воду – на этот раз вдвоем. Общими усилиями где-то к полудню они выкатили валун из порожистого русла на берег. Дальше, по гладкой земле, все пошло проще: кати да кати – и к сумеркам боги одолели примерно три километра пути.

Остановившись возле удобной полянки, Сварог разложил костер, на свет которого прилетел Семаргл с ужином. Работники подкрепились, выпались – двинулись дальше...

...Прошел всего месяц – и они добрались до широких ворот Устюжны.

* * *

Восторги местных жителей боги приняли с достоинством. Вручную, без помощи слег, закатали валун в просторную мастерскую Сварога и установили его в самом центре кузницы ровной поверхностью кверху.

– Мой бог, мой родной, мой долгожданный! – со всех ног влетела в мастерскую Заряна. Увидела камень, изумленно охнула и попятилась к стене. Терпеливо дождалась, пока муж закончит работу и, покровительственно похлопав ладонью камень, отступит, с облегчением оботрет лоб, и кинулась Матвею на шею: – Наконец-то! А то я уж всякого думать начала! Ты искупаться после дальнего похода не желаешь?

– Пожалуй, что желаю, – кивнул молодой человек, за минувший месяц действительно и перепотевший изрядно, и запылившийся, и испачкавшийся. Да и одежда изрядно истрепалась.

Взяв Матвея за руку, супруга вывела юного бога из города, повернула в сторону от причалов к песчаной отмели между полноводной Мологой и чуть менее глубокой Ижиной.

– А ты со мною не хочешь? – поинтересовался, раздеваясь, Матвей.

Женщина отрицательно покачала головой.

Молодой человек вошел в воду, хорошенько побарахтался, а когда выбрался обратно, то вместо рубашки и джинсов его ждали на пляже замшевые штаны с бахромой на боковом шве и кисточками по поясу, и куртка, расшитая вертикальными полосками из меха горностая. Ворот окаймляла полоска бобровой шкуры, по рукаву тянулась полоска костяных шариков, на груди белели два костяных амулета с нанесенными поверх резьбы рунами.

– Это тебе, любимый мой. – Изумленное лицо мужа ска-

зало женщине больше тысячи слов. – Я сшила, пока тебя не было. А амулеты принесла светлая богиня.

– В такой красоте только на праздник ходить, – развел руками бог-технолог. – Как же я работать буду?

– Я тебе передник сделала. Такой же, как в кузнице у великого Сварога.

– Не знаю, как тебя благодарить!

– Знаешь! – плутовски улыбнулась рыжая девчонка.

Матвей оделся в кожу и меха, опоясался ремнем с двумя ножами и теперь уже вовсе перестал отличаться от здешних славян. Заряна взяла его под руку, крепко прижавшись к плечу, и пока они шли через Устюжну от ворот города к хоромам великого Сварога, гордо поглядывала на окружающих, как бы говоря: смотрите все, какого мужика я заполучила! И вот как я его одела!

Умрите все от зависти!

* * *

Долгая возня с наковальней пошла кузнице на пользу – сложенный в ней горн успел хорошо просохнуть, и потому одетые в передники из сыромятной кожи боги смело засыпали его березовым углем, запалили с одной стороны пучок хвороста, а когда уголь занялся – перемешали его и раздули огонь двумя попеременно сжимаемыми мехами.

– Ну что, попробуем? – сложил перед лицом ладони вели-

кий Сварог и кинул в горн корявую тяжелую блямбу из стоящего у стенки мешка.

В белом угольном пламени заготовка приобрела сперва коричневый, затем темно-красный цвет и медленно начала светлеть.

– А как мы ее достанем? – неожиданно спросил великий Сварог. – Из ямки я железки просто штырьком выкатывал, а здесь...

– Вот... Квадратуру мне в тангенс! – бросив меха, Матвей выскочил из мастерской наружу, вскоре вернулся с обломками надранных где-то веток, снова взялся за меха, крикнул: – Нам нужно корыто с водой!

Цвет заготовки застыл на светло-красном, и юный бог понял, что разогреть ее сильнее не получится.

– Фигня, восемьсот уже нормально, – буркнул Матвей, сунул ветки в горн, перекинул поковку на валун. – Работаем!

Деревяшки, естественно, от жара тут же полыхнули, но молодой человек быстро их затоптал и принялся вперемешку с богом кузнецов лупить слиток молотом, расплющивая его и выбивая в стороны черную окалину. Спустя несколько минут отливка потускнела до обычной яркой красноты, и студент отступил:

– Все, греем! Ниже восьмисот смысла нет, не прокуется... – он подобрал ветки, зажал ими заготовку, вернул в горн, деревянные бросил в воду. Когда и кто принес деревянное корыто, Матвей просто не заметил, и без того хлопот

хватало. Он решительно заработал мехами, стремясь выжать из простейших приспособлений максимум возможного.

Нагрел – на наковальню, несколько раз расплющил и сложил, снова расплющил, потом в горн, и опять на наковальню. После пятого захода – сбросил заготовку в воду.

Выждав немного над шипящим слитком, боги достали его, покрутили в руках.

– Гладкий! – радостно воскликнул великий Сварог. – Ты смотри, ни одной трещины! Проковалось все! Внучок, да ты просто чудодей!

Матвей взмахнул слитком, ударив о край валуна, покачал головой:

– Сыромятина... – Он вздохнул, кинул заготовку в горн, добавил туда еще несколько отливок из мешка, сыпанул сверху полкорзины угля. – Дедушка, нам помощник нужен. Который меха будет качать, пока мы кувалдами машем. А то и уголь зря горит, и времени жалко.

– Тебе же не понравилось! – указал большим пальцем на горн великий Сварог. – Ты только что забраковал нашу заготовку! Что тогда ты собираешься с нею делать?

– Клещи хочу отковать, – пожал плечами бог-технолог. – На них нагрузка никакая, мягкое железо такую работу потянет. Остальное в кузне не изменить. Нужно повышать температуру плавки.

– Коли плавкой заниматься, внучок, то на болото надобно идти. Домницы мы прямо там ставим, дабы тяжесть лишнюю

с места на места не таскать. Завтра могу и отвести.

– Хорошо, – кивнул Матвей. – А пока давай вытягивать криницы в длинные колбаски. Потом загнем концы, пробьем посередине дырку и вставим заклепку. Два часа работы, до ужина управимся.

* * *

По поводу болота прародитель славян не шутил. Рудники Железного поля выглядели, будто огромная, бескрайняя топь, местами поросшая камышами и чахлыми березками, местами качающаяся рыжей вязкой грязью. Ею же был покрыт весь берег между болотом и лесом, на глубину примерно по колено.

– Это уже добытое добро, – гордо указал на вонючее месиво великий Сварог. – До осени полежит, стечет, подсохнет. Опосля мы его на кострах пережжем, дабы досуха довести, и пополам с углем смешаем. Уголь аккуратно сейчас работники из дров березовых пережигают. Мне Устюжна на дела железные двух смертных каждый день выделяет. Как горку хорошую намешаем, глиной сверху закидаем да подожжем. А как прогорит, разбиваем печь сию да криницы получившиеся собираем.

– Здесь ведь железа пуда два, наверное, не больше, – обвел обширное поле взглядом бог-технолог и стал загибать пальцы: – Все это нужно, во-первых, накопать, во-вторых, высу-

шить, в-третьих, пережечь, в-четвертых, заготовить уголь, в-пятых, смешать, в-шестых, переплавить, в-седьмых, опять в угле раскалить и несколько раз перековать. И только потом получившуюся в результате крохотную железную отливочку перековать в топор. Скажи, дед, а на кой леший ты вообще связался со всей этой морокой? Мне кажется, сделать каменный топор куда проще, и в работе он намного практичнее получается. Нож из рога или ясеня куда острее, надежнее и изготавливается проще. Зачем ты возишься с железом, великий Сварог?

– Сии попреки я не первый век слышу, внучок, – признался пышноволосый бог. – И кое в чем ты, понятно, прав. С кремниевыми ножами, наконечниками стрел и копий железным поделкам никогда ни в остроте, ни в прочности, ни в дешевизне не сравниться. Каменных наконечников любой юнец по пять штук за день легко смастрячит, а мне на подобное полгода потратить надобно. Но вот с топорами ты, Матвей, ошибаешься. Каменный топор тоже с полгода, а то и год оббивать, да стачивать и полировать приходится. И лезвие у него от неудачного удара тоже легко обколоться способно. Но железный после сего выправляется, а вот гранитный или нефритовый уже нет.

– Все равно, – покачал головой Матвей. – Столько сил и мучений... Мне кажется, овчинка выделки не стоит.

– Кстати, про овчинку! – внезапно повеселел великий Сварог. – Тебе твоя одежда нравится?

– Ну да, – огладил ладонями горностаевые полосы бог-технолог. – Заряна настоящая рукодельница, талант! Даже не представляю...

– Чтобы таковую сшить, не одну сотню дырочек маленьких проколоть надобно, – перебил его бог-кузнец. – Если шипом акации или шиповника колоть, так они после пяти-шести проколов ломаются. Костяные и на первой сломаться могут. А вот железные... Втыкай да втыкай! Да еще и ушко можно сделать, дабы жилочка сразу протягивалась. И вот ты хоть умри, внучок, но ничего подобного из камня выточить невозможно!

– Ах вот оно что! – В голове Матвея все наконец-то встало на свои места. – Значит, главное, этоковка иголок? А топоры и ножи это так, побочный продукт? Опыты из любопытства?

– За сотню иголок скифы дают бронзовый котел. А скифский котел – это тебе не горшок из глины. Его можно смело ставить прямо в огонь. Он не трескается, не течет, от удара не раскалывается. Варяги за иглы соль отсыпают не жалея, народы заморские самоцветы любые кладут, люди Нила ткани свои драгоценные на них меняют, русалочки племена янтарь отдают, жители востока нефритом платят. Железную иглу для рукоделия каждая женщина нашего мира заполучить желает. А лучше три. А еще лучше – пять...

– Зачем же тогда тратить столь дорогое железо на прочие поделки?

– Все боги обладают даром предвидения, – нахмурился

великий Сварог. – Явилось мне много веков тому предчувствие, что именно сия грязь болотная путь к величию потомков моих откроет. Ради детей и стараюсь.

– Пророчество твое древнее было истинным, дедушка, – признал Матвей. – Просто как посмотрю на все это... – развел он руками над грязными кучами, – убиться можно, сколько мук на каждое шило положить надобно! Руки опускаются.

– А ты не опускай руки-то, внучок. Глаза боятся, руки делают. Мы боги. Наша сила в труде и терпении.

– Хорошая игла – стальная игла, – повел плечами бог-технолог. – Чтобы получить сталь, нужно поднимать температуру. Здесь мало руды, дедушка. В малом размере высокой температуры не получить, нужно увеличивать объем. Тогда уменьшится отношение массы к поверхности и снизится теплоотдача.

– Сколько же тебе надобно?

– Раз в десять больше, дедушка. Чтобы печь кубов на триста вышла. Тогда должно получиться.

– Сколько? – не понял старик.

– Три сотни больших бочек, – поправился студент.

– Ого! – огладил седую бороду великий Сварог. – Это лет пять надобно руду и уголь копить, ничего другого не делая. А как мы пять лет без свежего железа обойдемся?

– Людей бы побольше позвать? – с надеждой спросил Матвей.

– А где их взять, чадо? – развел руками прародитель славян. – Смертным помимо железа моего еще и еда, и дрова, и жилье, и одежда надобны. Они все при деле, от рассвета до заката трудятся. Сколько могут, столько помощников и дают. Да еще нас с тобою кормят. Так что, внучок, как-нибудь самим желания свои исполнять надобно.

– Квадратуру мне в тангенс... – запустил пятерню себе в волосы бог-технолог. Подумал, прикусив губу, и решил: – Нужно попробовать принудительное дутье. Сложить самую большую криницу, какую только можно, сделать снизу десятков отверстий и большими мехами загонять туда воздух. Сотню градусов добавим точно. А если повезет, то и две.

– Вот таким, внучек, ты мне нравишься куда больше, – кивнул великий Сварог. – Пошли, великий Матвей, на луг. Опробуем твою задумку.

Бог материи

Хоромы всемогущей богини Макоши гудели от множества суесящихся слуг и вездесущих вострух, были тесны от множества гостей, полны ароматами цветов и фруктов, копченостей и пряностей, жаркого и меда. Ведь колядов праздник – день летнего солнцестояния – случается всего раз в году, и отметить его великие сварожичи собирались в самом древнем и главном городе славного народа – в Вологде, во дворце ее могучего правителя, скотьего бога великого Волоса.

Но что для хозяина праздник – то для хозяйки великие хлопоты. Порядок в доме навести, покои для задержавшихся гостей приготовить, столы с угощением накрыть – да не просто, а с двумя переменами! Первый пир – для собравшихся, второй – по возвращении из святилища, в котором Коляда с Трояном чары свои торжественно творить станут. Да сверх того каждого прибывшего приветить, ковш поднести с дороги, слово доброе найти, в залу пиршественную проводить, место достойное указать... Тут даже с помощницами преданными, вроде светлой богини, и то еле-еле управляешься, ничего вокруг не замечая и токмо на вострух домовитых полагаясь.

Поэтому великого Матвея, бога-помощника прародителя славян, встретила у зеркала не сама хозяйка, а пришелица

из будущего, уже давно и уверенно занявшая место рядом со всемогущей повелительницей Вологды.

– Ну наконец-то! – Света, одетая в мягкое облегающее платье из кротовых шкурок, шагнула к возникшему в темном овале молодому человеку и искренне его обняла: – Рада видеть, студент! Сколько лет, сколько зим! А ты возмужал, возмужал... Бородка, смотрю, уже пробивается, плечи в стороны на полметра раздались, костюмчик замшевый солидный. Заряна, бедная, каждый месяц небось новые шьет, а ты все растешь и растешь?

– Раз в полгода, – поправил Матвей, крепко обнимая знакомую. – По десять часов в день молотом машу, вот плечи и раздаются.

– Хорошо... – отступила светлая богиня. – Ты на пир пойдешь, или мы с тобой наедине поболтаем? Я лично не пойду и тебе не советую.

– Почему?

– А ты что, не знаешь, почему Викентий взбунтовался? Помнишь провалившегося сюда вместе с нами крупного парня, называвшего себя Одином?

– Он поднял восстание? – изумился гость.

– Решай быстрее, ты на общий пир или ко мне? – поторопила девушка. – Мне еще шестерых мелких богов встречать, болтать сейчас не могу. – Она хлопнула в ладоши: – Воструха-помощница... – Света вопросительно вскинула брови.

– К тебе!

– ...В малую трапезную гостя сего проводи, – распорядилась богиня и развернулась к зеркалу: – Рада видеть тебя, отважный Ситиврат!

Светлана направилась приветствовать нового гостя, а Матвей – вслед за маленькой ворчливой старушкой с хвощевой свечой в руке. Две сотни шагов, несколько поворотов – и он оказался в подозрительно знакомой светелке со щедро накрытым столом. Тут потели серебряные кувшины с хмельным медом и квасом, стояли миски с хрустящими ягодными пастилками и крупно нарезанной репой, морковью и свеклой, блюда с розовыми ломтиками семги и соевыми кусочками белуги, копченой осетриной и зажаренными до румяной корочки куропатками, печеным мясом и заливной щукой.

Гость приложился к квасу, закусил его ломтиком рыбы, придвинул к себе куропаток и принялся неспешно разбирать, обсасывая мясо с тонких косточек.

Вскорости появилась и Света, устало рухнула на скамью, взяла кусочек репы, макнула в мед, отправила в рот, громко и соблазнительно захрустев. Сделала то же самое с кусочком моркови, громко перевела дух:

– Ну, здравствуй еще раз, великий бог Матвей! Давно не виделись. Ты чего, и правда ни о чем не знаешь и не ведаешь? Чем же ты там так занят в своей глухомани? Затихарился совсем, не слышно и не видно!

– Считаю, что ничем не занят, – отодвинул от себя гор-

сточку костей молодой человек. – Четыре года бьюсь как рыба об лед, и все без толку. Занимаюсь крупнотоннажным производством бесполезного хлама.

– Странно. А Сварог вроде как тобою доволен.

– Ему-то все в радость! – поморщившись, отмахнулся бог-технолог. – Я его убедил плавку раз в год делать и плюс с наддувом. Поэтому выход из руды увеличился раза в полтора, чем раньше, и слитки не такие рыхлые, без шлака. Они и куются легче, и непровары исчезли. Отсюда и восторги. Но я-то знаю, что это не сталь, а сыромятное дерьмо!!!

Матвей шумно вдохнул и вдруг потянулся к хмельному меду.

– Самое обидное, что я знаю, как сварить отличную легированную сталь! Знаю! Но не могу! Я не могу сложить домну для передельной плавки. У нее минимальный размер с четырехэтажный дом. Чтобы ее правильно сложить, потребуется лет двести. А чтобы она работала в непрерывном цикле, на ее обслуживание должна вкалывать половина местного населения. Я знаю, как можно механизировать всю эту работу. Но, квадратуру мне в тангенс, нормальную водяную мельницу здешними инструментами придется строить лет пятьдесят! Если не сто!

– Наверное, есть способ проще? – предположила Света, дотягиваясь до копченой рыбы.

– Конечно, есть, – согласился бог-технолог. – Можно сварить вутц. Берешь слиток сыромятины, посыпаешь углем,

добавляешь песка, замазываешь глиной и нагреваешь. После переплавки получается слиток инструментальной стали, из которой нужно быстро-быстро, пока углерод не выгорел, сковать что-нибудь полезное. Но для вутца нужна температура в «полторашку»! А мне из нашего горна больше тысячи градусов не выжать. Зато при восьмистах градусах можно цементировать готовые изделия. Но цементирование идет со скоростью одна десятая миллиметра в час, поэтому требуется держать нужную температуру равномерно десять часов как минимум. Та еще задачка, когда то мехи качаешь, то свежий уголь взамен выгоревшего сыплешь...

– Откуда ты все это знаешь? – не выдержав, перебила девушка.

– Вообще-то меня всему этому в институте учили, – ответил Матвей. – Курс общей технологии... О чем это я? А-а-а... Так вот. Самое главное при варке стали из сыромятины, так это то, что емкость должна быть герметична! Иначе внутрь попадет кислород, и тю-тю. Весь углерод, вместо того чтобы раствориться в железе, тупо выгорает. В наше время это делается... Делалось... Будет делаться? В общем, в среде инертных газов. Тупо и просто. Здесь нужно хорошенько закатывать заготовку в глину. Но ты понимаешь, Света... Эта чертова глина, квадратуру мне в тангенс, она при нагревании трескается! И все, ку-ку. Работа в мусор.

– Как ты странно ругаешься, Матвей, – взяла еще кусочек рыбы девушка. – Про квадратуры с тангенсами. Откуда это

у тебя взялось?

– Когда я был маленьким, – улыбнулся помощник Сварога, – мама очень, просто очень настойчиво попросила меня не материться. А поскольку ругаться хотелось, то пришлось подобрать слова, безопасные для собственной задницы. Ты знаешь, что такое «ременная передача»?

– Передача взглядов мамы ребенку при помощи ремня! – рассмеялась светлая богиня. – Весьма действенная методика. Однако, Матвей, я есмь богиня любви и согласия, а не войны и железа. Поэтому в твоих делах мне куда интереснее, все ли хорошо у вас с Заряной? Как ладите, о чем мечтаете, какие планы замысливаете?

– Да нормально все, – пожал плечами бог-технолог. – Она меня любит, я ее тоже. Живем вместе, горница наша аккурат над кузней срублена. Зимой пол теплый, днем ходить близко.

– Вот поубивала бы за такое отношение! – внезапно возмутилась Света. – Пришел, пожрал, поспал. Пол теплый – значит, все хорошо. Ни единого доброго слова про жену не выдал! Как про мебель старую сказываешь. Странно, что Заряна на тебя не жалуется. Значит, так! Чтобы сегодня же по дороге домой набрал букет полевых цветов и ей вручил! И сказал, что она лучшая в мире, самая красивая, желанная и заботливая!

– Хорошо.

– Я серьезно!

– Я тоже, – пожал плечами Матвей. – Богиню любви и

согласия нужно слушаться. Когда профессиональный специалист дает рекомендацию, дилетанту следует конспектировать или запоминать, а не выпендриваться. Я Заряну люблю. Раз это полезно для семьи, то твою инструкцию исполню в точности.

– Инструкцию исполнять два раза в месяц! – со вздохом уточнила Света. – И постарайся произносить признания искренне!

– Два раза в месяц, – согласно кивнул молодой человек. – Я запишу в кузне на стенке с инструментом. А что там с Викентием вышло? Какую смуту он затеял?

– Не смуту, – покачала головой светлая богиня. – Наш кровожадный друг оказался богом войны. Настоящим злобным Одином, как себя и называл. Он довольно быстро и успешно разгромил лесовиков, загнав их обратно в чащи, потом устроил набег на скифов и вытряхнул с них клятву не беспокоить славянские земли. В общем, да. Ему повезло. Викентий попал в свое время и чувствует себя тут как рыба в воде. Добивается своего даже лучше, чем местные. Короче говоря, в честь его великих побед боги славного народа устроили торжество, великий пир победителей. А поскольку все мы: ты, я, Викентий, Валя и наш пятый, исчезнувший, друг родились... – девушка запнулась и поправилась: – Родимся еще только через сто поколений, то мы все значимся самыми младшими из богов. У нас, так выходит, возраст вообще отрицательный. И великого Одина, бога войны, как са-

мого младшего, посадили внизу стола, среди самых мелких, слабеньких и никчемных божков. Ты представляешь, Матвей? Победителя всех врагов на пиру в его честь посадили не во главу стола, а на самые дальние задворки! – Светлана тихо засмеялась. – Викентий взбеленился и по весне просто-напросто ушел из русских земель, уведя с собой половину славянской армии. И ты знаешь, Матвей, я его понимаю. Мне тоже не нравится сидеть среди малолеток, способностями равных разве что мелким ведьмам. Поэтому на большие пиры я не хожу, делами отговариваюсь. На обедах городских, на которых я во главе стола слева от Макоши восседаю, появляюсь. А на большие пиры, где между мной и нею две сотни сварожичей втискивается, не показываюсь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.